

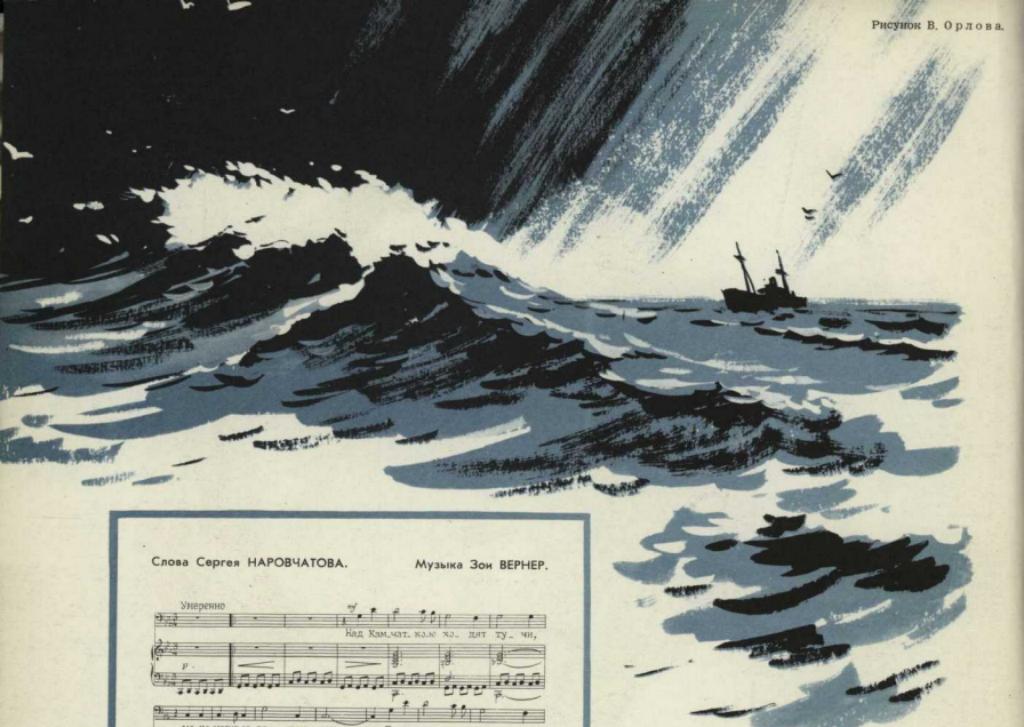

СМЕНА

3

1957

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Слова Сергея НАРОВЧАТОВА.

Музыка Зои ВЕРНЕР.

Умеренно

Над Камчаткой коях льтут ту... чи,
мл. ре катят за в... лов вал. По за хрым тих ту ма... нор
хру... чи не... при ступных прибрежных склон. Как от дедов за... во... ща...
ни сто... ро... на эта даль... ни... я, э... то мо... ре су...
ро... во... ся... не... глуб... ний наш край... 0... 100...
дай ты ми... ба... тиши... ка... дай нам ветра... по... пут... но... го... сно... ей
лаской от... цва... ско... ю... см... но... вей приве... чай! чай!

Песня Камчатских Рыбаков

Посвящается отважным рыбакам Камчатки

Над Камчаткою ходят тучи,
Море катят за валом вал,
Позакрились туманом кручи
Неприступных прибрежных скал.

Припев:

Нам от дедов завещана
Сторона эта дальняя,
Это море суровое,
Неоглядный наш край...
Океан ты наш, батюшка,
Дай нам ветра попутного,
Своей лаской отцовской
Сыновей привечай!

Словно сестры, нам волны ради,
Вольный ветер — нам старший брат,
Молоденческие наши бригады
Трудовые дела вершат.

Припев:

Нам от дедов завещана
Сторона эта дальняя,
Мы добычей богаты
Свой прославили край...
Океан ты наш, батюшка,
Нашу молодость вольную,
Наше счастье рыбакое
Ты всегда привечай!

Награда за доблестный труд

Урожай! Когда мы произносим это слово, перед нашими мысленным взором возникают необыкновенные поля. По волнующемуся морю хлебов, засеянного изобилием, плывут самолеты, которые высаживают башмачки, которыми спешат колонны автомашин, груженных инструментами зерном.

Урожай — это боевое дело этого счастья. Это победа над природой, чтобы побороть ее, сотни тысяч, миллионы людей труждаются не покладая рук. И земля, заблаговременно обработанная ими, щедро вознаграждает труд.

Победа в 1956 году была блестательной. Одна только Российская Федерация, посыпав свою землю яструемым золотом, на которое было затрачено 150 миллиардов копеек, наше было заготовлено в 1953 году по всему Советскому Союзу, — более двух миллиардов пудов. А в 1956 году, когда засеяли землю, наше было 150 миллиардов трехкратных миллионов пудов зерна.

Рондению этого славного успеха в решавшемся стремительном общественном развитии нашего хозяйства, Президент Верховного Совета СССР наградил срдцем и медалями более ста четырнадцати тысяч колхозников, рабочих, служащих, инженеров, строителей, партийных, комсомольских и профсоюзных работников. Особо отличившиеся во всенародной борьбе за круглый подъем этого хозяйства были удостоены звания Героев Социалистического Труда.

Среди этих удостоенных — большой отряд молодых пристрелов, юношей и девушек, которые под звуку партии отправились на освоение целинных земель и превратили их в землю, способную вырастить урожай.

Одним из тех, кто в 1954 году с путевкой комсомола поехал на целину, был украинский комсомолец Яков Денисович Красильников из Днепропетровской области. Вместе со своими товарищами он проник на пустыни пустыни Днепровской области в степи Ростовской области, где достигла большого успеха. Она поселяла хлеб на трех тысячах двухэтажных гектарах в синевах плавнях в прекрасных условиях для жизни и труда. Среди них Нина Никитинская — Герой Социалистического Труда. Этого высокого звания удостоен также комсомолец Яков Семенович Григорьев из Краснодарской области. Он — командир угледобывающей бригады Угловской МТС Алтайского края.

1956 год — это не только год нашей победы в борьбе за хлеб, но и год победы в борьбе за хлопок. Правительственными наградами отмечены тысячи хлопкоробов. Они являются племенем, которое внесло в нашу страну сорок сорок лет назад чисто новое впечатление в колхозах и совхозах достижениями научных и передового опыта и поэтому достойно звания Героя Социалистического Труда.

Но Нина Рудской — Герой Социалистического Труда. Этого высокого звания удостоен также комсомолец Николай Семенович Григорьев из Угловской МТС Алтайского края.

Правительственных наград, удостоены не только отдельные передовики, но целые колхозы, предприятия, учреждения, страны — Ордена Ленина и Красного Знамени Алтайский и Красноярский края, Омская, Новосибирская, Челябинская, Ивановская, Саратовская, Самарская, Волгоградская области, Казахская, Узбекская, Таджикская, Киргизская и Туркменская республики. Трудящиеся средненовознесенской области, Краснодарского края, самарской и рабочий класса внесли достойный вклад в осуществление решений XX съезда Коммунистической партии.

Герои социалистического труда — это не только люди, которые отличаются на достигнутом, идти дальше, вперед — это девиз советских людей. Партия и правительство выдвинули перед трудящимися селе и городом задачу: в 1956 году явить началом успешного выполнения заданий шестого пятилетнего плана по увеличению производства сельскохозяйственной продукции, то есть в 1956 году можно должно стать переломным годом в дальнейшем развитии всех отраслей сельского хозяйства.

Перед трудящимися стоит задача: создать новый широкий простор для проявления творческой инициативы, трудовой отваги. Каждый, кто мечтает о подвиге, может совершить его!

Совместное заседание Верховного Совета СССР и ЦК Коммунистической партии Казахстана, посвященное вручению республике ордена Ленина. Председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов передает орден, которым награжден Казахстан, Председателю Президиума Верховного Совета Казахской ССР Ж. А. Тащеневу.

Узбекской ССР вручен орден Трудового Красного Знамени — награда земледельцам и всем труженикам за их доблестную работу за успехи на предприятиях и в колхозах республики. Состоялись митинги, посвященные этому значительному событию. На митингах рабочих, инженеров и техников Ташкентского тракторного завода присутствовал Первый секретарь Центрального комитета КПСС Г. К. Орлов. На снимке: Г. К. Орлов беседует с работниками комбината.

После звонка

Фоторепортаж
В. Андреева и М. Озерского.

Студенты факультета приборостроения, как и других факультетов, очень любят песни. Они часто собираются, чтобы разучить под гитару и аккордеон очередную новинку.

А бывает и так... Вдруг во время занятий что-то вспомнится — и вот отложены в сторону логарифмическая линейка, листок со сложными расчетами, книги. Перед глазами — недавняя встреча, чей-то взгляд, чай-то улыбка...

Звонок. Веселые, многоголосые шумы наполненного студентами зала заложников Московского Высшего технического училища имени Н. Э. Баумана. Это зал заседаний учебных заведений страны. Окончившись лекции, практические занятия, семинары... Однако жизнь в училище не затихает. В библиотеке-чайхане, в кабинетах и лабораториях, в спортивных залах, полный горячего творческого труда у штатников, ректоров, наставников, преподавателей склонились будущие инженеры. Идет кропотливая научно-исследовательская работа: студенты настойчиво овладевают знаниями.

позднее, когда проходят часы отдыха, в клубе, спортивных залах, комнатах общежития зазывают музыка, задорные танцы. Спортивный зал технического колледжа начнет repetиции любителей бокса, фехтования, гимнастики, пройдут очередные тренировки. Интересной, богатой жизнью живут студенческие коллективы. О них и рассказывают фотографии, которые мы здесь помещаем.

Когда занимаешься, главное — поудобнее устроиться.

Часы досуга студенты Л. Кравцова, Т. Савиной и Е. Краснолобовой отдают обычно любимому спорту — фехтованию.

После напряженных занятий полезно поразмыться. Студент Л. Глинер любит «пограть» двухрудовой гирей.

Большим успехом пользуются выступления коллектива художественного самодеятельности МГУТа. Ученики наряду талантливых певцов, танцоров и инструменталистов, создают спектакли студенческого коллектива был поставлен отрывок из оперы Верди «Травиата». Участникам драматического кружка подготовили необычные спектакли на основе известных произведений из интермеди «У телефона». Роли исполняют студенты Е. Родина и В. Почкилина. Справа — Л. Малотина, исполнительница партии Бионетты, в гримерной перед выходом на сцену.

В спорах рождается истина...

Глядя на эту фотографию, можно без преувеличения сказать: артисты сыграли в ударе.

А вот новорожденная семья Касимовых. Под присмотром родителей-студентов Эрнеста и Евгении шестимесячная Леночка показывает первые самостоятельные шаги. Придет время — и Леночка вступит в большую жизнь.

Вера УСТИНОВА

День радости

Рассказ

В. УСТИНОВА.

Стоял жаркий июньский день. Густо синело небо. Густо мятый дождем воздух был наполнен запахом сосен и моря. В лесу то там, то здесь звучал пionерский горн, откуда-то доносились детские голоса. У опушки прогуливались женщины в длинных халатах; вдоль лачных заборов на низеньких скамейках сидели, читая газеты, мужчины в мятых пижамах.

За лесом стремительно проносила шум колес электрички, резко засвучала сирена, и через несколько минут на тропинке между тонкими склонами появились мужчина и женщина. Женщина несколько полновата, нежно-васильковое платье с глубоким вырезом еще больше подчеркивало ее полноту.

— Ты не устала, Тамарочка? — озабоченно спросил мужчина.

— Нет еще. А скоро лагерь, Коли?

— Значит, усталая, если так спешишь увидеть лагерь, — удивился Николай Сергеевич Ковалев и взял Тамару под руку.

Они свернули в узкий переулок, по обе стороны которого стояли однотажные дачи с высолками, от потолка до пола, окнами. Над свежеокраинными голубыми воротами колыхалось полотнище с надписью «Добро пожаловать!». В переулке стояла сонная пиццина, только слышался рокот моря, да отдушина, то вершилась, то опускалась еле тоскливо кричала неизвестная птица.

Николай Сергеевич и Тамара подошли к воротам. Тамара опустилась на скамейку и расстегнула ремешки босоножек.

— Дяденька, вы к кому? — раздался вдруг голос с густой рабиной, обсыпанной гроздьями ягод.

— В шестой отряд, к дочеке, — отозвалась Николай Сергеевич.

Ребята затрепетали, и сверху начал спускаться толстый, красный и потный мальчишка. Ветка, за которую он держался, неожиданно затрещала. Ковалев подхватил падающего мальчишку. Сложеные за резинку его туровес гроздья рабин вывалились на траву.

— В шестой отряд, где маленькие?.. Там никого нет, все на море. Сегодня последний день смены, можно купаться сколько влезет, сегодня здесь все добрые, рады, что нас отправляют.

— Может, пройдем к морю? — предложил Ковалев Тамаре.

— Пойдем.

Море открывалось сразу же за лопатами. На берегу, на мелком, очень чистом песке, лежали дети. В трущих и белых панамках, вязавших за руки, бродили по циркулотку в воде мальчики. Подростки гоняли мячи. Женщины в белых халатах, как часовые, стояли у самой воды и беззвучно считали: «Один, два, три...»

— Ребята, вы чьи? — спрашивали Ковалев и Тамара, осторожно обходя лежащих на песчаном кедре.

И им отвечали: «Мукомольной промышленности, «Работников искусств...»

Неизвестно, сколько бы еще Тамара и Ковалев пришли, ходить, но со стороны моря неизвестно донеслось:

— Папа, папа приехал!

Навстречу Ковалеву и Тамаре бежала девочка в красном с белыми цветочками платьице. Руки и ножки ее покраснели от загара, по разгоряченным лицу были капельки каштановых, коротко обрезанных волос. Девочка стремительно подбежала к Ковалеву, подпрыгнула и, обхватив руками его шею, замотала ногами в воздухе.

— А почему ты миши привез?

— Ты, Инесса, сначала подозривайся с тем, а потом спрашивай.

— Ну, ладно, поздоровайся! — сказала Инесса и протянула руку.

Тамара внимательно посмотрела на девочку, искоса, называя красивой, но большими голубыми глазами и пышные, не то каштановые, не то золотистые волосы делали ее привлекательной. Внимательный взгляд немалой женщины смутил Инессу, она положила руки в карманы платья, посыпавши пальчики в пресное шампанское.

— А почему у тебя карманы порваны? — спросила Тамара.

— Это порваны? — удивилась Инесса. — Они расширились... — объяснила она, продолжая шевелить пальцы.

Ковалев заметил смущение девочки, вынул большую апельсин и подал ей.

Рисунок А. Лурье.

— А нам апельсины здесь давали! — оживилась девочка. — Ты конфеток не принес?

— Привез и конфетки. Вот, держи... — засмеялся Ковалев. — Ну, теперь пойдем в лагерь, сбираясь домой будем.

У ворот лагеря дежурный мальчишка, задорно подпрыгнув на Инесса за спину Ковалева, спросил ее:

— Это кто за тобой приехал?

— Отец! — ответила Инесса и, не удостовив его звонким, прошла мимо.

...В зоне электрички Инесса всю дорогу мчалася и не останавливалася окна. Ковалев и Тамара говорили о приступах. День был воскресный, свободный от работы, и они условились вечером встретиться в парке.

Ковалев привез Инессе домой, накормил ее, развернул ей вибратор во дворе поиграть с ребятами, а сам с нетерпением стал ждать вечера. Нет, он даже не волновался, ему просто хотелось сегодня все вымыть и начать новую жизнь. Внутренне он уже знал, что Тамара согласна, ведь и ей к тридцати годам тоже настало одиночество, и она рада иметь свою семью.

Вечер выдался очень теплый. Покрапал редкий дождик, и, даже не успев прикрыть пыль, пересекли его. На бледном небе выступили первые звезды. Девочки стояли свежие, чистые; чуть слизяникообразно блескал кожаный Тамара, и Ковалев подошел к ее виску, прислонившись к распятистому вязу, присели на скамейку.

— Ну, Тамара, Тамара? Когда же ты все-таки к нам переехешь?

— Скоро, скоро. Куда спешить?

— Понимаешь, устал я, измучился один с девчонкой! Стыдно сознаться, а вот до знакомства с тобой даже в кино сходить не мог время выбирать.

— Конечно, — сказала Тамара, — одному с ребятком не легко.

— Да нет, до школы в час вроде все было благополучно. Приводили из детсада, кормила, укладывала. А вот учиться она почему-то плохо. Я уж думала, что показывала.

— Говорят, ничего странного, просто она развиивается медленно, не надо было ее так рано в школу отдавать.

— А учитель?

— Что учитель? Учителя тоже сказали: «Маленькая, пусть второй год в первом классе посидит». А мне перед людьми стыдно, перед седицами! Наверно, думают, не занимаемся с ней.

— Он знает, что ты не родной?

— Может быть, и знает. Всегда найдется язык, но я с ней об этом не говорила. Меня волнует другое: что, если она и дальше будет пытаться учиться?

— Ну, это — уже дело воспитителей, педагогов, — сказала Тамара. — Может, она и правда деформирована? Так вот у нас есть такие специальные детские дома и школы, там это дело государства поставлено.

Ковалев с удивлением посмотрел на деловое, озабоченное лицо Тамары.

— Что ты удальчиваешься? — продолжала Тамара. — Ее возмут без всяких разговоров. Тем более ребенок чужой.

Спокойные, вялые, продуманные раньше слова Тамары так поразили Николая Сергеевича своей холодностью, бескорыстiem, что он какое-то мгновение просто растерялся.

— Чего? — только и мог сказать Ковалев. Но, узеленная скромными мыслями и планами, Тамара не заметила, каким тоном было произнесено это «что», и продолжала говорить.

— До свидания! — вдруг разброзировал ее Ковалев.

— Подожди, куда ты? Мы же еще не все решили.

— Нет, я, конечно, спешу. И знаешь что, не будем больше ни о чем думать, пусть все оконется, как было...

— А когда же мы встретимся? — спросила Тамара.

— Да просто не будем больше встречаться. Должно, что все сильнее и сильнее. Наступила какая-то сиротливая гниль. Город точно сразу уснул.

Подойдя к дому, Ковалев увидел свет в окнах своей квартиры. Инесса стояла у стола, на котором были разложены цветные карандаши, бумага, резинка.

— Инесса, ты чем здесь занимашся? — строго спросил Ковалев, как только вошел.

— Ничего, — сказала она, — я тебе пишусь.

Только теперь расстроенный Ковалев заметил гостью Инессу — кудельного, остроногого мальчику с чешуекой на лице; шумно прихлебывая и поступая ложкой, он ел прямо из кастрюльки компот.

— Что здесь происходит? — повысив голос, спросил Ковалев.

Мальчик покраснел от смущения.

— Ничего не происходит, — ответила Инесса. — Он обедает.

— Компот прямо из кастрюльки?

— Ну так что, раз он есть захотел?

— А ты не могла дать ему тарелку супа? — рассердился Ковалев.

Но Инесса тоже повысилась тон:

— Нужен ему твой суп, у него есть нет! — Она на секунду замолчала, потом, наступая на Ковалева, как будто спросила: — Знаешь, где его отец, запади?

— Не знаю! — опять закричал Ковалев. — Ты лучше мне скажи, куда рыба исчезла из шкафа?

— Рыба? Вот твоя рыбка! — Инесса кинула в угол комнаты. Там, у тарелки с обжарками рыбой, сладко потягивались кот.

Ну, и тебе сейчас зададут, ты будешь у меня знать! Так что ты тут делаешь? Ковалев направился к Инессе, а мальчишка покосился с выходу, потом громко хлопнув дверью, затихнул по лестнице. Ковалев, ухватив Инессу за платье, поднял ее и занес руки... Глаза Инессы стали широкими.

— Не надо, не надо, папочка! — пропищала Инесса.

Рука Ковалева невольно опустилась. «Эх, Тамара, Тамара! — подумал он. — Из-за тебя и чужого ребенка удалился!» Одернув платье, девочка сказала:

— Иди в угол!

Инесса безропотно пошла в хороший знакомый угол и начала теряться от стенки, уткнувшись в нее.

Ковалев снял пиджак, галстук. Переодевшись, налил в таз из бачка, сделанного из пластины, теплой воды и начал разбирать узелок с белыми Инессами.

Инесса наблюдала за Ковалевым и тихо бурчала:

— Ну и что, лучше постыдиться в углу, если азионата! Ну и что, от этого ничего не случится! Ну и что, такое наказание всем давай!

— Что ты там бормочешь? — спросил Ковалев.

— Я не бормочу, — весело сказала Инесса. Закончив разбирать белые, Ковалев неожиданно спросил:

— А где твои турусики, которые я тебе перед лагерем покупала? Потерила?

— И не потеряла, они на мне, ты разве не видел?

— Грязные?

— Грязные, я же во дворе играла.

— Снимай-ка, давай скода, я постираю. Инесса быстро сняла штаны и, скомка, бросила в таз.

Ковалев начал стирать. Девочка повернулась лицом к стекне и стала водить пальчиком под отклеившимся куском обоя.

— Слушай, Инесса, за почему ты у меня такая?

— Какая? — без любопытства промолвила она.

— Глупая, — ответил Ковалев. — Я все устроил, чтобы приготовить рыбку, думал, нам и на завтра обед будет, а ты ее всю като отдала. Глупая ты, — со вздохом повторил Ковалев, — и учинила плохо. Ну почему ты плохо учишься?

— А там скучно. Все учись, учись, а я хочу играть. Учителянка болтает, болтает весь урок. Хоть бы сказку рассказали!

— Не скажи, я тебе сказку расскажу, тебе, ты и учительница звонки двойками. Нет, теперь я за тебя возьмусь! — пообещал Ковалев. — Я тебя заставлю учиться!

Они помолчали, потом Ковалев спросил:

— А где же у этого мальчишки отец?

— Где? Знаешь где? Его фашисты убили!

Знаешь где? В Берлине. Думашь, когда? А в тот день, когда кончилась война, еще бы немножко жил бы. Расскажи мне про войну! — попросила Инесса.

Ладно, вышли на угла и укладываясь спать, таща рассказы.

Инесса быстро разобрала постель, сполоснула под краном руки и сказала:

— Я уже готова, сейчас лягу, а ты гречке расскажи.

— Хорошо, хорошо, сменно воду и буду рассказывать.

Но пока Ковалев менял подушку, утомленная дневным летним днем Инесса уже заснула. Ковалев спирал ее перепачканную глиной и песком белую, вспомнил деловитое, забоченное лицо Тамары, и потому-то, кроме этого лица, он не мог вспомнить ничего: ни ее голоса, ни глаз, — она сия как-то растворилась сразу, ушла из его жизни, хотя на злость, на тоску не проходила.

Незаметно мысленно ее перенес совсем на другое...

Целый час в 1941 году — теплые морозы и теплые бои. Армия отступала. Батальону, с которым Ковалев ушел после разгрома погранзаставы, где он прослужил два года, было приказано прикрыть отход наших частей. К утру на батальоне осталось несколько человек. Разненный, без сознания, лежал Ковалев, уткнувшись лицом в распоротый, залитый кровью ракушку полубузка. Шел крахмальный, очень чахлый, ложматый снег. Ни короткое мгновение, как во сне, Ковалев ощутил сдавленное над собой лицо девушки, колдательскую шапку, была ей велика, она закрыла лоб до самых бровей. Рядом с лицом Ковалева были синие глаза — сияющие, глубокие, словно их застывшие непролитые слезы. Вокруг гремело, ухало, но глаза сияли, а губы деревенеющими шептали:

— Выбрасывай, ничего, выбрасывай...

Она обхватила Ковалева рукой и поворотила. От боли он снова потерял сознание. Только в госпиталь он пришел в себя, но никто не мог сказать ему, кто была эта девушка, как она туда попала, где теперь.

Потом Ковалев спустился под Невесел и он снова увидел эти глаза.

По фронтовому щоссе на равном расстоянии друг от друга или автомашинами; в их кузовах, тесно прижавшись друг к другу, сидели солдаты; был среди них и Ковалев. А по обочинам тоже двигались солдаты — усталые, запыхавшиеся. И вдруг Ковалев увидел

девушку. Она шла, пошатываясь, придерживая рукой тяжелую сумку противогазом. Осенний производительный ветер трепал выщипанные волосы, девушки смотрела на хмурое, низкое небо, и Ковалев показалось, что это те глаза, те, которые... Ему вдруг стало жарко, как всегда при сильном волнении, всплески ладони рук. Растянувшись солдат, он бросился к девушки и начал стучать в ее щеку, хватая за волосы, чтобы ее отогнать. Стражи мертвого запада останавливали машину, а девушка все оставалась и оставалась и наконец исчезла. Кажется, он что-то кричал, но от него никто не обращал внимания: случайные встречи на фронте не были редкостью.

Прошли годы. Окончилась война. Ковалева демобилизовали. Он работал на заводе и приехал по делам в Москву. В последний день командировки, устав от беготни по учреждениям, он решил посмотреть новый кинофильм. Стало же синевой у кассы и, вынув из кармана газету, начал читать.

— Скажите, вам крайний? — раздался рядом женский голос.

— Да, да! — не обрашиваясь, буркнул Ковалев.

Но, отходя от кассы уже с билетом в руках, он повернулся и сразу замер: перед ним стояла женщина с темными яркими глазами, с темными волосами, которые вспыхивали, как собей все эти годы. Женщина была в скромном сером пальто, в черной шляпке, из-под которой выглядывали каштановые волосы. Две глубокие морщины появились около рта и на переносице. Она держала на руках маленькую девочку. Ковалев, наверно, еще долго стоял бы так, но девочка сердито сказала:

— Ну, дядя, подыши же!

И Ковалев невольно отступил.

Когда во сне, он прошел в фойе кинотеатра.

Спустя некоторое время туда вошла и женщина.

Она рассстегнула девочке пальто, сняла шапку, и по плечам девочки рассыпались темные каштановые кудряшки.

Ковалев так и не решался подойти. Двери кинозала открылись, и он двинулся вслед толпе, невольно следя за черной шляпкой.

Места их оказались рядом. Кажется, сама судьба готовила Ковалеву эту встречу, и он решил не отступать.

— Знаете что? Я вас встречал на фронте, — быстро и також сказал Ковалев.

— Может быть, я вас воин на фронте была.

— Вам спасли меня от смерти...

— Ну уж, спасли! Должно быть, просто певизвала, приходилось и этим заниматься...

— Нет, именно спасли... — повторил Ковалев.

Он назвал место, день и час боя, в котором был ранен.

Да, она помнила эти страшные дни отступления, дни тяжелых боев, оно не его помнила, а может быть, просто не хотела ни о чем вспоминать.

Он спросил о Невеле. И опять она равнодушно и кратко сообщила, что служила в том гвардейской дивизии, которая потом стала Невельской, и что тогда по обочине дороги шла, вероятно...

Удивительно быстро закончилась кинофильм. Когда в зале зажегся свет, Ковалев увидел, что девочка спит.

— Разрешите, я помогу вам нести ее.

Женщина согласилась.

Онишли по грязным весенним улицам, осторожно обходя тяжелый снег, ручьи, и молчали.

— Вот мы и пришли,—сказала женщина.

Ковалев хотел передать ей девочку, но та проснулась, удивленно посмотрела на Ковалева и спросила:

— А ты папа?

— Нет, я не папа! — засмеялся он и взглянул на женщину: в ее лице что-то дрогнуло, и Ковалев понял, что там она побледнела. Может быть, только покраснела.

Потом, сидя в вагоне поезда, он все время думал о женщине, испомнив ее лицо, голос девочки: «А ты папа?». Почему она так спросила? И вдруг он понял, что девочка не знает отца. Где же он? Погад? Но вина кончилась раньше, чем показалась девочка. Бросил? Но таких женщин не бросают. Он должен был все выяснить, он не мог не вернуться в Москву. Если бы тогда ему сказали, что надо ехать на Северный полюс, он и тогда поехал бы, чтобы увидеть эти усталые глаза. Ковалев вззял отпуск.

Он колебался дома один вечер, другой. В сумерках стояла земля, вспаханная пашюю и смотрел на освещенные подъезды. И однажды она вышла из подъезда вместе с девочкой в свободной руке она держала сетку с пустыми бутылками. Он подошел, подозритель. Женщина загорнула от неожиданности, выпустила одну ручку сетки, непринятно зазевавшись бумагами.

— Вы же уехали в Прибалтику?..

— Нет, я вернулся.

— Почему?

Она молчала. Она посмотрела на него внимательно, и лицо ее стало замкнутым, суровым. Потом всегда с тоскливыми, но страстными взглядами он вспоминал часы своего стояния под окнами ее дома и был бесконечно благодарен за то, что она дала ему пережить эти часы.

Он начал быть у нее, играл с Инессой и ни о чем не расспрашивал.

Однажды, наблюдав, как весело Инесса играла с Ковалевым, женщина неожиданно сказала:

— Я даже не оставляемая жена, я просто брошенная женщина... — Она помолчала и суроно, со склонностью, как притвор, произнесла: — Мат-одиночка.

Только один раз он видел, как она плакала... Он сделал ей предложение. Сделал неуклюже, между прочим — случайными словами. Она испуганно посмотрела на него, подошла к дивану и держась одной рукой за спинку, с мольбой сказала:

— Нет, нет, не надо так...

— Почему? — спросила она.— Или я...

— Не надо, — повторила она, тяжело опускаясь. — Я больна, сердце у меня больное.

— Это фронт, но ведь можно вылечиться, я сделала все, чтобы вы поправились.

— Нет, это не фронт. Что такое бомбежки, обстрелы, страх смерти по сравнению с человеческой подлостью?

Она все затряслась, закрыла лицо руками, потом как-то пронзительно всхлипнула, но сразу опомнилась и затихла, только неуверенно тряхнув ее плечи.

Он помочился, растерянный, потрясенный ее отчаянием. Он вымытывал ее ней прилив такой нежности, что хотел взять ее за руки и сказать какие-то необдуманные слова, чтобы она поверила в его любовь, но почему-то не мог их сказать.

Он хорошо понимал, что жизнь будет трудная, что понадобится много дущенной теплоты, чтобы эта женщина отошла, оттаяла, поверилась в него. Без ее слов и рассказов он понимал все, что она переживала. Она пронесла через всю свою чистоту, отвергая, может быть, настоящее чувство к себе настоящих людей, и

обманулась, когда сама полюбила, приняв малоземную страсть распущенного человека за подлинную любовь. И это ее сломило.

Она познакомилась с отцом Инессы в Москве, куда вернулась после войны в институт. Он заканчивал аспирантуру. Почему он не женился на ней, почему бросил своего ребенка? Ковалев однажды попытался заговорить с ней об отце девочки. Но она спокойно сказала:

— Он, вероятно, и не знает, что у него есть дочь. Он все убеждал меня сделать аборт и ушел, не понимая, что я делаю, даже, чем все кончилось. Он ушел, молчала и вдруг очень громко, вероятно, забыв в нем и о дочери, сказала: — Какая страшная ошибочка! — И, почесав головой, гордо добавила: — Страшная ошибочка!

Он предлагал ей уочерить девочку, но она отказалась:

— Нет, нет, не следует делать этого.

Он как-то не верил в то, что Ковалев любит ее по-настоящему, на всю жизнь. Может быть, зиновьев в этом был он сам. Он никогда не говорил ей тех слов, которых ждет каждая женщина. Он не умел говорить эти слова, стыдился их, но любил ее так, что если бы для ее вымощивания это было пожертвовать жизнью, он согласился бы, не раздумывая.

Так прошло два года. Тогда эта болезнь сердца прогрессировала, и наступила день, когда женщина больше уже не могла хватать Инессу, отдали в круглосуточный детский сад, а матерью увезли в больницу.

Ковалев теперь перевелся в Москву и все свободное от работы время проводил в больнице. Он постарел, поседел.

Она никогда не говорила с ним о судьбе Инессы, хотя хорошо знала, что обречена. Это было мужественная смерть.

За несколько часов до кончины женщина сказала:

— Теберь недолго.

Он знал: разуважай ее бесподозрено — и спросил:

— Привести Инессу?

— Нет, — произнесла она, вероятно, боясь, что при виде дочери мужество оставит ее.

— Как с Инессой, чего ты желашь? — спросил Ковалев.

Она долго молчала, ему казалось, что она уже не ответит. И вдруг глаза ее широко открылись, в них блеск от отогн, который видел он в день своего ранения.

— Делай, как знаешь, — произнесла она.

Он понял: она верила в него и не хотела说什么 словом.

Потом были похороны. Много народа. Суета.

Вспомнилась с кладбища, он взял Инессу на руки; она с недоумением глядела на него и говорила:

— Я уже большая, зачем ты меня несешь?

Он не мог ответить ей и только крепче прижал к себе теплое тело девочки.

...Ковалев кончил стирать, вошел в комнату, включил свет. Инесса спала, тихо посапывая.

Ковалев подошел к ней, поправил одеяло, взял ванную, сонную руничку и в порыве, удивившим его самого, подцепил теплую детскую ладошку.

— До-чень-ка! — прощептал он. В этом слове было и тоска, и сожаление, и радость.

И, словно отрывавшись своего порыва, он прыгнул на изгородь, закрыл и начал штопать ее маленькие носки.

Солнечным ранним утром Ковалев привез Инессу на изгородь. У ворот лагеря стоял малярщик, тот самый, что дежурил тогда на рабине.

— Моя мама уже уехала, — сказал он Инессе, забыв даже подзодорвать.

— Папа! — попросила Инесса. — А ты меня пусти сначала выкупаться.

— Дяденчик! И я с ней сбегаю, — сказала малышик.

— Попадет же тебе.

— Нет, сейчас они детей принимают, не затят.

— Ну идите, только быстрее, мне бы на работу не опоздать.

Ребята побежали к берегу.

— А у меня вчера был день радости! — сказала Инесса.

— Что? Кто? — удивился малярщик.

— Что? Кто? — передразнила Инесса. — День радости.

— Как это?

— Мне папа всегда устраивает день радости! — хвастливо пояснила Инесса. Когда выписали меня из больницы после скраплатии, папа сказал: «Ну, Инесса, натерпелась я за тебя страха, давай устроим день радости. Взвал на домой такси...»

— Такси? — с недоверием спросил малярщик.

— Да, такси, настоечные такси в клеточку. Сели мы. Я с щером, чтоб все видно. А щер спрашивал: «Куда?». Папа говорит: «Конечно, в Зоологический сад, куда же еще?» Мы там целый день ходили. Все видели: и словно и павлины, даже обедали там в кофейнике. А потом папа устраивал этот день накануне, как в школу меня отправляли.

— А вчера-то он за что тебе такой день устроил?

— Сказал, в счет будущего.

— Как это в счет будущего?

— А это за то, что я буду хорошо учиться, и еще за то, что мы останемся вместе, видоем. Вот чудак, как будто мы можем с ним быть отдельно?

Море было уже рядом. Инесса вспрыгнула, широко, словно крылья, раскинув руки, бежала к ему навстречу.

— А ты хорошо знаешь, что он тебе папа? — вдруг спросил малярщик.

— А кто же?

— А почему говорят, что ты спорта?

— Вот глупый! — удивилась Инесса. — Кто это тебе сказал?

— А мой отец работает вместе с ним, малярщиком, движением головы показал в сторону сидящего на скамейке Ковалева, — он говорил, что у тебя нет родных, и он тебе совсем чужой, и пускай на эту смену тебе дадут бесплатно потому, что ему тяжело, зарабатывает он хорошо, а хозяйничает не умеет, а мне нужны за деньги, а мама сказала, наберут чужих детей...».

Сам ты чужой! — презрительно сказала Инесса, стягивая с себя платок; она забыла расстегнуть пуговицы, и голова ее застрияла в вымеке воротничка.

— А зачем так говорят? — не унимался малярщик.

Говорят, говорят! — передразнила Инесса, выпутываясь из платка. Наконец она нащупала пуговицы и расстегнула платье. Пусть говорят! Лицо Инессы выражало явное беспокойство из-за того, что так говорят. — Не родной! Но и не чужой, знаешь, он какой? Такого папы ни у кого нет! Да знаешь он мне какой? Он мой двоюродный! Да он мой двоюродный папа! Понял? — закричала она, довольно растерянность малярщика.

— Двоюродный! — недоверчиво повторил малярщик и даже остановился, но Инесса уже не слушала его, она бросила на песок свое тщательно оттуженное платье белым воротничком вниз и помчалась к воде.

Фото Б. Рябникова.

Во многих районах страны уже курсируют восемь новых паровозов, выпуски которых предусмотрены Директивами ХХ съезда КПСС. Они перевозят гравийесные составы с грузом для строек шестой пятилетки. Их создал машинист Михаил Бунин, который ведет электровоз по открытой недавно электрифицированной линии Иркутск — Слюдянка.

ДРУЗЬЯ-ТОВАРИЩИ

В ОДНОМ КОМСОМОЛЬСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ

«НЕЗАМЕЧЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В Кочетовском паровозном депо много комсомольцев. Всех, пожалуй, и не запомнишь. Одного Василия Романюка за некоторое время я знал, потому что стараясь почти с кандидатом из них познакомиться поближе, у многих бывал дома. Втайне он даже гордился тем, что всех знает. Может быть, именно поэтому Романюк несколько смущался, когда порог комитета комсомола переступил парень в рваных ватных брюках и старом, грязном пиджаке. Этого парня Романюк знал.

— Чем могу быть полезен? — с некоторым недоверием спросил он гостя.

— Справка мне нужна, — просто ответил парень. — Без нее не принимают в вечернюю школу.

— А вы разве комсомолец?

Паренек покраснел в кармане и молча поднял свой комсомольский билет, зевнутый в газету.

— Логунов Владимир, — пояснил он, — из подъемчного цеха...

Романюк внимательно посмотрел на юношу.

— Как мы раньше не встречались с вами?

Но, скажу это, осеняя: в билете Логунова он увидел свою роспись.

— Кем же вы работаете, где живете?

Задавая вопрос за вопросом, Романюк словно хотел возместить упущенное, сразу все узнать о комсомольце. Но парень отвечал нехотя. Получив нужную справку, он, не попрощавшись, вышел из двери.

Заходи к нам почче, Володя! — крикнул ему вслед Романюк.

Но Логунов так и не появился больше в комитете. Пришло вызвать секретаря комсомольской организации подъемчного цеха Чеслава Антонова.

— Ты знаешь Логунова? — спросил Романюк.

— Естественно, — работал у нас разнорабочими, — ответил Антонов. Он тоже неизменно рассказывал о Логунове. Помни лиши, что парень живет с братом, инвалидом. Отечественной войны.

— Надо побывать у него, — заметил Романюк.

Венерон Романюк и Антонов отправились на окраину Кочетовки. Логунов оказался дома. Он сидел у окна, смотрел в окно, даже не пригласил их сесть. Собственно, присаживаться было некуда. В комнатке стояли две табуретки и скамейка. Табуретки были заняты ведрами с водой, а на скамейке сидел сам Володя и чистил картoucher. За досчатой перегородкой слышались приглушенные голоса: там кто-то с кем-то спорил.

— Вот пришли к тебе погово-

рить, узнать, как живешь, — оглядывая комнату, сказал Романюк.

— Само видите, как живу: бедновато, — ответил Логунов.

Он улыбался, но улыбка была неискренней. Романюк и Антонов Володя рассказали о себе и услышали печальную историю. Отец

Логунова погиб на войне, мать умерла, брат вернулся с фронта инвалидом. С семи лет Володя жил один. Когда подрос, его устроили в депо разнорабочими.

Он добросовестно выполнял все поручения мастера, вступил в комсомол, стал учиться в вечерней школе, стал разнорабочим, а место в командировке осталось незаполненным.

На другой день Романюк пошел к начальнику депо и попросил определить Логунова кочегаром на паровоз. Долго и много пришлось ему уговаривать начальника, который упорно твердил одно: без подготовки никого на паровоз допускать нельзя. Справедливость, конечно, была на стороне начальника. И все же Романюк не отступал. И в конец подчинил Логунова, помочь ему освоить профессию кочегара.

— Только как исключение, — согласился наконец начальник, — Но имейте в виду, вы полностью отвечаете за его работу...

Логунов оказался старательным рабочим. Уже через месяц его имя значилось среди лучших кочегаров депо. А теперь о Логунове не без гордости говорят:

— Он будет хорошим машинистом.

Помощь комсомольцев окрылила юношу. А кто знает, как сложились бы его будущие, если бы он так и остался «незамеченным» человеком!..

ТРУДОВАЯ СЛАВА

Все началось с выступления начальника депо Солищева на комсомольском собрании.

— У нас пять комсомольских паровозных бригад, — сказал он, — и все они работают на новейших паровозах «Л-0007». Он стоит под открытым небом; в камбре его давно никто не заглядывал. Идея эта замечательная, ее могут послужить, если умел их эксплуатировать. Конечно, на новой машине ездить легче, приятнее, но молодежи не должна бояться трудностей...

Среди старых машин особенно непрятливый вид имел паровоз первого выпуска — «Л-0007». Он стоял под открытым небом; в камбре его давно никто не заглядывал. Идея эта замечательная, ее могут послужить, если умел их эксплуатировать. Конечно, на новой машине ездить легче, приятнее, но молодежи не должна бояться трудностей...

Много изъянов обнаружил Виктор Конюков, инженер-столярное устройство, слабое парообразование, плохую тягу. Но все это не испугало энтузиаста.

Виктор просил только об одном: не называть ему смельчаков машинистов, он подберет добровольцев. И добровольцы нашлись. Комсомольцы Дмитрий Жуков и Всеволод Скворцов тоже решили перейти на «семерку», покинув новые машины. Были созданы три комсомольских экипажа.

Более двух недель товарищи ремонтировали паровоз. И вот наконец сияюще-яркая в голубой цвет машина готова начать маневры. Первым отправился в рис сан Виктор Конюхов. Но душилось тревожно. До станции «Лес» Толстой прошел шагами по графику, и только на обратном пути Виктор, с гордостью обнажил, что у паровоза хроническое парение шинерных и прорвавшихся сальников.

— Сменяя коня на кашу! — упрекали Виктора друзья, когда он вернулся в депо.

И даже старший брат, Николай, тоже машинист, отозвал Виктора в сторону и начал ему выговаривать:

— Что тебе не работало на новом паровозе?! Видишь, какуюrukлядь, взял, рассыпалась ведь...

Но Виктор с упрямой настичкой вечно вспоминал тех товарищам, которые взяли за работу. И его усилия не пропали даром. Однажды он провел на «семерке» груз с превышением весовых норм на сто пятьдесят тонн. Потом увеличил груз на триста, пятьсот и тысячу тонн. Через два месяца бригада паровоза «Л-0007»оказалась на первом месте в депо по всем показателям: каждый состав был тяжеловесным, экономия угля достигла семи тонн в месяц, техническая скорость выше, чем у новых паровозов. Генерал Конюхов вручил переходящее Красное знамя Тамбовского областного комитета комсомола.

Однако через месяц конюхов-

цам пришлось уступить знамя однажды из молодежного бригад Моршанского района. Старая машина все же дала себя знать. Машинисты оказались на несколько процентов опереди по грузообо-

ру. — Не за там мы ушли с новых паровозов, чтобы отдавать знамя другим, — сказал Виктор товарищам. — Мы должны вернуть его.

Друзья поддержали машиниста. И вот на слете молодых железнодорожников в торжественной обстановке юбилея Виктора Конюхова снова вручили знамя. Его бригада заняла первое место по доставке груза на семь тонн, а машины она привезла самой тяжеловесных составов, на которых было перевезено сверх плана более ста тысяч тонн груза.

Слава о бригаде Виктора Конюхова разнеслась далеко за пределы Тамбовской области. Этой славой молодые железнодорожники дорожат. Каждый день машинисты Конюхова, Жуков и Скворцов водят поезда с превышением грузовых нормы на тысячу сто тонн.

НЕОБЫЧНАЯ ГАЗЕТА

На экране промелькнули последние кадры кинофильма. Сванс окончился. Зрители начали подниматься с мест, застучали сиденья кресел. Но в эту минуту раздался голос:

— Товарищи, не расходитесь, будет продолжение фильма!

На экране появились знакомые картины: корпусы депо, столовые, магазины, клуб... Когда на полупустыне вырос человек с двумя арбузами в руках, затянувшись смехом. В этом человеке зрители узнали помощника машиниста Бориса Панайтидина.

Стасия кашуны — заменила чей-то звонкий голос. А Панайтидин, озираясь по сто-

ронам, уходил все дальше от вагона, из которого взял арбузы.

Не успел утихнуть первый взрыв смеха, как на экране появился разумнейший молодой человек. Тысячи глаз смотрели на актера Александра Тестина. Пощапавшие из стороны в сторону, он шел в «шебабзаку», а в это время его ждали товарищи на паровозе.

— Вот здоров! Не в бровь, а

прямо в глаз — сквозь посылались в зал.

С одобрением встретили артиста и последующие кадры.

Световая газета прочно вошла в жизнь комсомольцев Кочетовского паровозного депо. Нередко случается, что во время демонстрации фильма его героями находятся среди зрителей. Так было, например, с кочегаром Александром Тестиным. Увидев себя на экране он вспомнил, что вчера на работе синий склонился над машинистом. Сперва она смеялась, как и все, но потом сказала:

— А я и не знала таких ваших способностей!

Сгорая от стыда, Тестин вышел из зала. На другой день он, словно побитый, пришел в комсомольский комитет.

— Кто это так разрисовал меня? — спросил он Романенко.

— Да нашлиши добрые люди, — ответил секретарь.

— А точнее? — допытывался Тестин.

— Хотя бы я — вмешалась в разговор член бюро Василий Кремнев. — А разве неверно нарисовано?

Тестин угрожающе посмотрел на Кремнева.

— Понимаете ли вы, из-за ваших картинок я потерял девушку, я может быть, насегда!

Долго объяснялся Тестину, что он может многое потерять, если не перестанет пытаться, хулиганить. Дружеский совет товари-

щей, их стремление помочь ему исправить ошибки Тестин понял не сразу. Он считал, что вличную жизнь, если даже она идет изразцы с комсомольской этикой, никто не имеет права вмешиваться. Только позднее Тестин осознал свое недоруждение. Встретив как-то Кремнева на улице, он, улыбаясь, сказал:

— А здорово тогда вы меня прохватили! Надо всех так «ле-
тич»...

Инициатива создания световой газеты принадлежит мальшу Валентину Кремневу — художнику-общественному, редактору узловой сатирической газеты. В отверстия, вырезанные в полосе мягкого картона, вставляются рисунки, карикатуры, и все это пропускается через киноаппарат. Демонстрация световой газеты сопровождается драматическим текстом.

Первоначально для газеты отбирались исключительно отрицательные факты. Но, убедившись, что световая газета получила широкое признание, комсомольцы стали включать в нее кадры, рассказывающие о передовиках производства.

Так газета познакомила депо-цев с методами работы машиниста комсомольского паровоза Владимира Дошкова, передовой стачиницы Энны Алексеевой.

Плотник Лисицын, токарь Матвеев и Зудин уже давно работают в счет 1958 года. Лисицын добился успеха в эксплуатации времени. Матвеев — в счет уменьшения процессы труда, Зудин — за счет рационализации. Этими передовиками производства был посыпан специальный выпуск газеты.

Хорошую инициативу проявили кочетовские комсомольцы!

Я. СУХОРУКОВ

ст. Кочетовна.

Тайсто СУММАНЕН

О СЧАСТЬЕ

Ты помнишь?..

Город зимний.

Снег голубой искрылся.

Иней на окнах,

на ветках иней,

на бровах на твоих,

на ресницах.

И скожа была

эта ночь январская

с чудесной и доброй

зимнею сказкою.

Мы шли вдвоем.

И о многом, о многом

говорили в тиши.

О мире огромном,

о наших дорогах —

радостных,

трудных,

больших.

И казалось мне:

в глубине твоих глаз,

а не в небе,

звезды лучатся.

Ты, помнишь, сказала:

«Какое у нас

с тобою

огромное счастье!»

...А разве может оно быть малым,

счастье наше с тобою!

Сколько любя его добавляло

невыразимой ценой!

Подполычки шли за него в казематы,

Гремя кандалами.

Во имя его ложились солдаты

на амбразуры сердцами.

Вот оно какое,

счастье наше с тобою.

Разве может оно быть крохотным,

комнатным, рыбоки, бескрылым!

Слышишь строен сибирских гротов,

слышишь, скважина нефть забурлила!

Чтоб оно становилось

все больше и ярче,

не спят полеводы,

не спят инженеры.

Для него миллионы

людей настоящих

ни сердце не жалеют, ни нервов.

Очень оно дорогое,

счастье наше с тобою.

А разве наше

любовь отделима

от этого счастья!

Нет, любимая.

А вдруг ее

не спечь с тобой нам!

Вдруг погаснет в пути она!

Разве тогда

будет горько и больно

тебе лишь и мне!

А...

...Ты помнишь?..

Город зимний,

Снег голубой искрылся.

Иней на окнах,

на ветках иней,

на бровах на твоих,

на ресницах...

Перевод с финского

Александр ТОЛМАЧЕВ.

Карельская АССР.

БХИЛАИ- ЗАПОРОЖЬЕ

Фото А. Уздана.

Между индийскими городами Друг и Райпур на небольшом плато разместились станции Бхили. Вокруг—несколько маленьких селений. Место это было избрано для строительства. Здесь с помощью Советского Союза строится новый государственный металлургический завод, который будет оснащен по последнему слову техники.

Советский народ по-братьски помогает индиянам в создании предприятия, в подготовке его кадров. Не так давно не металлургические заводы Советского Союза для прохождения производственной практики привозили группу индийских специалистов, которые в дальнейшем должны работать в Бхили. Это молодые люди, окончившие различные колледжи и университеты. Тридцать три из них приехали на «Запорожсталь», чтобы овладеть опытом советских металлургов. Фотоочерк, который мы помещаем здесь, рассказывает о трудовых буднях индийских инженеров на этом предприятии.

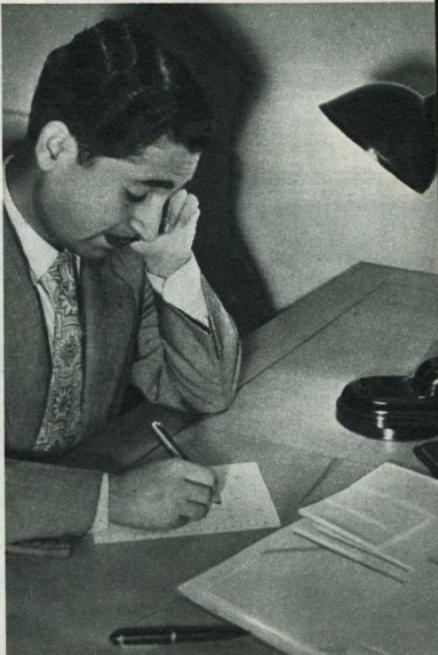
Скоро пойдет сталь... Внимательно следят за ходом плавки инженер Бал Радик (слева) и сталевар Иван Григорьев.

В автобусе по пути на завод между индийцами обычно идет шумный разговор. Они делятся планами на день, вспоминают минувший вечер, проведенный в клубе «Запорожстали».

Совсем недавно молодой индийский инженер К. Ч. Кханка приехал на «Запорожсталь». Но впечатлений накопилось уже много. О них-то и собирается рассказать он в письме своим близким.

На уроке русского языка. Трудно понять инженеру И. В. Гослу (второй слева) даются произношение русских слов. Иногда это вызывает дружеский смех и учеников и преподавателя. Но, несмотря на это, вежливо начали индийские специалисты, несомненно, добываются успеха в овладении языком, на котором говорят их друзья.

В заводской столовой хотя и нет национальных индийских блюд, но все приготовлено очень вкусно.

Маленькая Таня Григорьева быстро подружилась в клубе с индийскими инженерами Махур и Ранганди.

Трудовой день окончен. После ужина индийские специалисты собрались за столом пограть в домино вместе со своими русскими товарищами.

На сцене — юные танцоры, дети запорожских металлургов. Они исполняют украинский танец гопан.

Недавно в многотиражной газете «Днепровский металлург» было опубликовано письмо индийского инженера К. Ч. Кханна к советским друзьям. Он писал:

«В овладении новыми методами и передовым опытом нам оказывают всестороннюю помощь рабочие и инженеры.

Такое внимание еще более усиливает наше стремление к освоению передовой техники и технологии, достигнутой металлургами Советского Союза.

Нас поражает, с какой любовью к своему делу рабочие — эксплуатационники и ремонтники — выполняют свои обязанности.

Мы гордимся тем, что нам довелось поработать на таком хорошем заводе, как «Запорожсталь». Мы благодарны русским друзьям за гостеприимство и помощь.

От имени индийской молодежи вся наша группа инженеров передает рабочим «Запорожстали» и всему советскому народу наилучшие пожелания.

Да здравствует дружба между Советским Союзом и Индией!

Первые стихи

Юрий Щелоков — студент Тульского государственного педагогического института. Ему 21 год. Еще на школьной скамье начал писать стихи. Сейчас он печатается в местных газетах и альманахах, центральные же печати его стихи публикуются впервые.

Долг

На окраине нашего города
Зеленые сады по весне.
Здесь особенно бодро и молодо
Теплым вечером дышится мне.
Скоро все здесь охватят цветением,
А пока из зелени садов
Танят дымом молочно-скрежевым —
Ароматом весенных костров.
Милю яблонь не много посанжено,
Я поквакстаю пока не могу.
Жизнь другими руками украшена —
Значит, я перед нею в долгах.

Счастливый возраст

В юности это бывает нередко,
И ничего не поделать тут:
Старушки тебе называют дядяткой,
Мальчишкам дядя давно зовут.
Жизнь тебе кажется письей звонкой:
Спешишь, не оглядываясь назад.
К тому, что долго еще девчонкой
Будет в счастливых твоих глазах.

Чужая звезда

Страслась с моим товарищем беда:
Влюбился в иностранную актрису.
Так привлекла его кинозвезда,
Что остается выхлопотать визу.
Ну, а пока товарищ сам не свой,
Дешел уже, как говорят, до грани:
В кинотеатр приносит «ФЭД» с собой,
Пересматривает кадры на экране.
Далекая, в кудряшках завитых,
На гребне славы, на крыле удачи,
Она и слов-то не поймет простых,
А уж его любви — там пань.
Товарищ никак я не пойму,
И дело здесь не в дальнем расстоян'е:
До сердца как могло дойти ему
Чужой звезды холодное сиянье!

Советчик

Ты свою подругу любишь жарко,
Скоро в заслуги отправишься с ней.
Вдруг, как ворон, начинает каркать
Кто-нибудь из «преданных» друзей.

Станет он некстати и не к месту
О твоей свободе слезы лить,
Умалять достоинства невесты
И подряд всех девушек чернить.

Начинает от бильярдной Евы,
Вспомнит он все женские грехи.
Выползут на белый свет посызы
Самой неусыпной чечупки.

Разойдется этот человечек,
Словно жельд кипит в его крови.
Сколько оскорбительных словечек
Скажет он по адресу любви!

И притом добавят ум, наверно:
Дескать, что там в книгах ни пиши,
Все на свете женщины неверны
И до свадьбы только хороши.

Все познали, во всем разочарован,
Хочет и тебя предсторожить...
Почему же ты в ответ — ни слова?
Неужель поверил в эту речь?

Если даже ты его моложе,
Все равно гори таким прочь:

Да, приятель, ты любить не можешь.
Но чужие чувства не порочь!

Г. Тула.

Рисунок В. Орлова.

ВЕЧНЫЕ КАРТИНЫ

Кто из москвичей и гостей нашей столицы не любовался замечательными картинами, украшающими стены подземных дворцов Московского метрополитена? Но, к сожалению, не всем известно о том, какую сломянную задачу пришлось решать художникам при создании этих прекрасных портретов. Дело в том, что в метро должны находиться в метрополитене должна обладать особой привлекательностью.

Художники, решив вопрос, какой материал выбрать для подземных картин, решили обратиться к истории. Их вдохновили представления города Помпеи были обнаружены плиты мозаичных пологов многоцветных, выполненных из мраморной камни. Почти двадцать веков прошли они под пеплом Везувия, но не потеряли своей привлекательности. В Италии в знаменитом Софийском соборе, сохранившемся, воссии, выполненная в XVI веке мозаика из мраморной глины. К глубокой старине относится и такая находящийся до нас вид мозаики, выполненная в знаменитых фреско-картинах, написанные прямо на стенах, по сырой штукатурке.

Созданные художниками картины представляют собой произведения искусства различных эпох и времен и стоят их по отношению к огням и влаге, заменяющим в метро получение смальты — непрозрачного стекла из яиц и оттенка. Для этого Ломоносовские художники предполагали большое количество опытов по сплавлению в определенном проце-

рессе сороковых и пятидесятих годов прошлого века.

Ломоносовы-художники набрали настолько много материала для них «Полтавской баталии» — вот уже вдвадцать лет украшает одно из зданий Метрополитена. Исторический опыт изобразительного искусства подсказал художникам, что для создания великолепных картин подземного метрополитена следует выполнить из смальты и камня. В качестве полотна предложено использовать неизлобимые щиты.

Много творческих и технических трудов потребовалось художникам-художникам при создании вечных картин. Работа обычна начиналась с несложной эскизной. Несколько зарисовок карандашом, набросков помогали начать нужную композицию, а затем в красках на плотной бумаге, на которой наносили образец будущего панно.

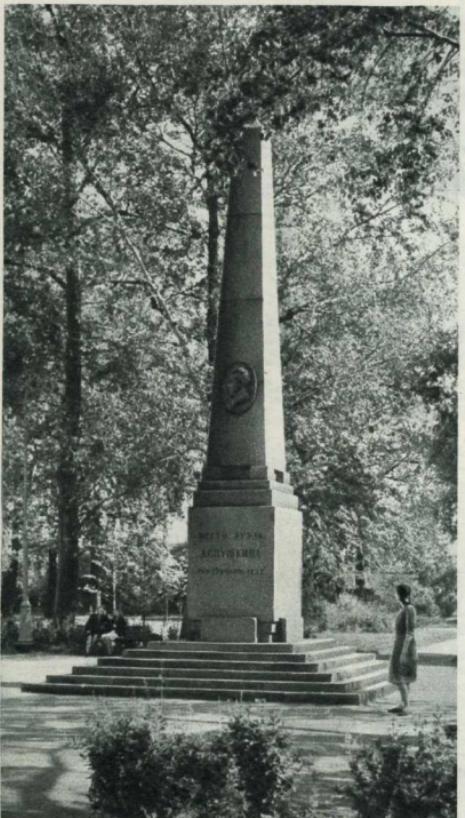
Затем художники грабили штихели на панно, писали — эскизы заготовленной смальты, или, как говорят художники, от полисты памятников, на которых находились станции Большого кольца, смальту собирали из разных мест. Часть ее доставляли из мастерских художников Академии художеств. Золотую смальту — стекло с застывшим в него сплавом — изготавливали из мраморных заводов, некоторые другие цвета были получены из чешского края.

Набор каменных картин напоминает работу со смальтой, только вместо стекла здесь применяются мрамор, различные породы камня — мрамор, яшма, известняки, самоцветы и даже простые камни — вот памятник Петру Первому на станции «Петровский парк». Камни заменены молотками и шлифовальным кругом.

Камень живопись рождается медленно. Прежде чем выплыть из камня «фигура» — художник передает ее в общем виде на различных породах. Но случается и так, что глыбы мрамора, поступающие на рабочий стол художника, не дают зародившемуся изображению законченного живописного рисунка. С мраморного завода Московской области привозят различные каменные картины, изображающие багряные занавесы в горах, бушующее море, падающие водопады.

Так создавалась под землей единственная в мире галерея картин из смальты, представляющая ярким образом замечательное искусство нашего народа.

Ю. ГРОЗДИЕВ

В 1937 году на месте дуэли А. С. Пушкина был воздвигнут обелиск с барельефом поэта.

НА МЕСТЕ ДУЭЛИ А. С. ПУШКИНА

Минуло 120 лет со дня гибели пушкинских героями русской поэзии Александра Сергеевича Пушкина. Думал о поэте, мы неизменно переносимся сего в прошлое — в 1837 год, и перед мысленным взором встает картина того трагического дня, когда его убил враждебный петербургские сумерки. От Черной речки, возле Коломянского шоссе,

Только что онкончился подиум подиум Пушкина с Дантесом. Секундант Пушкин, Данзас, исповедует, когда отстрелялся из пистолета, подозревая извозчика и вместе с нимстал разбрать забор из тяжких деревьев, которые были сажены подхватом к тому месту, где лежал раненый поэт. Обиженные сильны, а впереди стоял конюхозадатель Я. А. Исаев, желая припомнить и сочинением Пушкина рисунок местности, где происходила дуэль, сказала пошел подиум саней, «снег меньше тем заносил пропотавшую тропинку на пустыне за Черной речкой», — писал Данзас.

Кто знает, может быть, так и затерялась бы эта тропинка, если бы не великая любовь народа к своему поэту.

Другой поэт, вся мыслительная Россия стремилась увенчать память Пушкина. Сиятельный ствол, то место, где произошла дуэль, где появился юноша поэт Сенкевич, нельзя точно установить, когда впервые оно было стечено, неясно, что это сделал. Однажды утром в сороковых годах прошлого века здесь была поставлена черная дубовая с могилой из земли и камней. Улица упала смертельно раненый на поединке А. С. Пушкин.

С тех пор в печати ставят постоянно появляться упоминания о скромных памятниках на полянке у Черной речки.

Судя по всему, конюхозадатель Я. А. Исаев, желая припомнить и сочинением Пушкина рисунок местности, где происходила дуэль, обратился к секунданту поэта Дан-

засу с просьбой показать место дуэли. Данзас охотно согласился, и они отправились за Черную речку.

Исаев горюя сетовал, что эта

территория никак не оберегается,

одиноко стоит на поляне, и нет

никаких западающих рисунков, кни-

гоиздательства, тем не менее, считал

«священной для себя обязанностью

обобщить сведения, полученные от

Данзаса.

Первое изображение поляны за

Черной речки сделано художнико-

м И. Крюковским в 1837 году

году. Рисунок этого художника, сде-

ланное с натуры, и рисунки, пуб-

ликованные в конюшном альбоме, соотве-

тствуют документам. Дошло до нас

также и много сведений, как

ставились безымянными любимицами

ризарий и конюшни художниками.

Вот рассказал из «Петербургской

газеты» о том, как было отмечено

место дуэли в 1840 году:

«Под одним из бересклетов, блеснувших в дороге, находился... небольшой деревянный стволик (ониме армянин звали) с привязанным к нему попечерной дощечкой. На попечерной дощечке, представлявшей из себя рамку за стеклом, на белой бумаге помещены были следующие строки:

«Не вынесла душа поэта
Позор мелочных обид,
Вспыхнула прыжка мятеж света
Один как прежде... и убит!»

Далее стояла черта, и было на-

писано:

«Я памятнику себе воздвиг

иероглифический, —

К нему не зарастет народная

тропа...»

Действительно, в то лето, о ко-

тором идет речь, даже к этому не

применимо, самодельное памятни-

нико, не вспахано в земле,

Приближалось к дате смерти Пушкина.

За пятьдесят лет до второй

половины для окреста сменялась

всегда пустынная дорога в Коло-

мии. К двум часам дня пришлось

быть на месте, чтобы поместить

сюда старине воспитанники Але-

ксандровского лицей на главе с ды-

рнами, привезенные из Петербурга,

писатели, журналисты. Журналы

«Всемирная иллюстрация» так опи-

сыпал это событие:

«...вокруг места более 1000 чело-

век... только что приготовленный

помост далеко не мог вместить всех

собравшихся и многих, несмотря на пронизывающий снег, вынуждены

пришлось стоять в снегу... Три хо-

роша павлов в сумерках под открытым

небом, тридцать пять человек, из которых

многолюдной толпы отглашали воз-

дух звуками печальных молитв на

том месте, где 50 лет тому назад

погиб юный великий поэт.

Художники Н. Хорхиня запечат-

лев в рисунок, сделанном с нату-

рой, что чествование памяти Пуш-

кина.

Тогда же на трапезном сорбоне,

было приурочено описание

«Сорбонской памятной

области» в журнале «Известиях обозрения»

сообщило, что этот пушкинский угло-

ворот был превращен в памятник.

В журнале же было помещен рисунок

художника В. Табурина, показывав-

ший в каком запутанном состоя-

нии лежал поэт, когда в него упала

смертельно раненый на поединке

А. С. Пушкин.

С тех пор в печати ставят посто-

янно появляться упоминания о

скромных памятниках на полянке

у Черной речки.

Среди них конюхозадатель

Я. А. Исаев, желая припомнить и

сочинением Пушкина рисунок мест-

ности, где происходила дуэль, обра-

тился к секунданту поэта Дан-

засу с просьбой показать место дуэли. Данзас охотно согласился, и они отправились за Черную речку.

Исаев горюя сетовал, что эта территория никак не оберегается, одиночка стоит на поляне, и нет

единственные свидетельницы тра-

гичного события. Он решил от

намерения занада рисунок, кни-

гоиздатель, тем не менее, считал

«священной для себя обязанностью

обобщить сведения, полученные от

Данзаса.

Так, несмотря на все усилия ру-

сиков, неизвестный художник, чье

имя осталось заброшенным и не от-

меченным достойным памятником

стал народ.

С первых лет Советской власти

популярность этого пушкинского

угола возросла, и в 1937 году

в 1937 году «Крестьянская правда

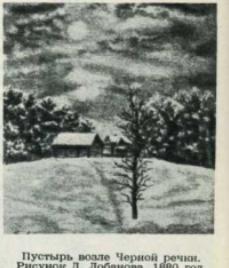
сообщила, что место дуэли

будет открыто в этом году на

устроенной площадке с зелеными

насадками, цветочными клумбами,

красивыми дорожками.

Пустырь возле Черной речки.
Рисунок Д. Лобanova, 1880 год.

В 1937 году в связи со столе-
тием со дня смерти Пушкина со-
стоялась церемония открытия памят-
ника поэту. Стала это памятнико-
вым иконом. Всего венчалась

столица народной культуры, а спустя

шесть лет, в 1943 году, на том же

месте был открыт монументальный

памятник-обелиск, созданный по

проекту архитектора А. П. Голубя-

кова. Он увенчан бронзовым бюсте-

м Пушкина. На обелиске надпись:

«Место дуэли А. С. Пушкина. 1837—1937».

Давно уже снег на месте дуэли

Пушкина перестал быть далекой

легендой. Дорога к нему подъезжает

сюда автобусы, привозят

здесь экскурсантов из всех кон-

цов страны. Рядом с памятником

расположена скамейка, на которой

направляются к обелиску и в благо-

вреком месте стоят перед па-

мятником Александру Сергеевичу

Пушкину, одному из величайших сы-

нов России.

В ЗАКРИЛО,

научный сотрудник Всесоюзного музея А. С. Пушкина.

г. Ленинград.

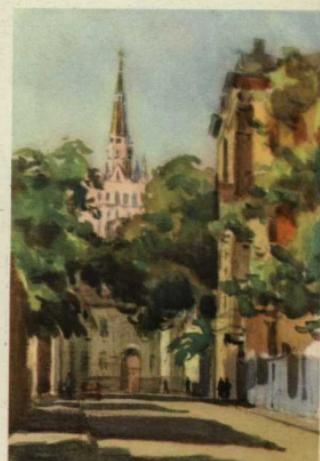
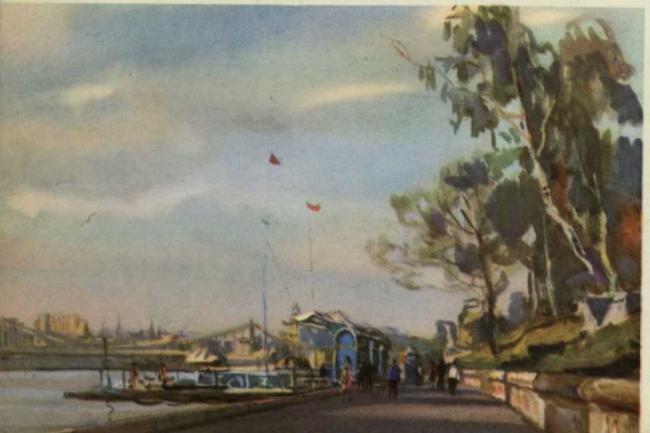
Так выглядело место дуэли в 1837 году. Рисунок художника В. Табурина.

Москва. Памятник А. С. Пушкину.
(К 120-летию со дня смерти поэта)
Фото В. Тюнина.

МОСКВА— ГОРОД ФЕСТИВАЛЯ

Акварели Г. ХРАПАКА.

Сегодня, читатель, мы совершим еще одну прогулку по Москве, где через полгода собутысячи юношей и девушек из разных стран на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов.

На этот раз мы публикуем акварели художника Г. Храпака, на которых запечатлены некоторые уголки столицы.

Когда человек впервые приезжает в Москву, свою знаменитость с городом он начинает с Красной площади (рисунок слева вверху). Камни ее помнят многое, события, связанные с историей нашей Родины. Они помнят многое, чтобы отметить праздники. Здесь проходят многоюродные демонстрации, сюда после окончания школы собираются выпускники, чтобы встретить тут первый день своей самостоятельной жизни.

Одна из центральных улиц Москвы — Песчаная Мещанская. Это бывшая артиллерийская, а ныне многоэтажными домами. По ней лежит путь из центра города к сельскохозяйственной и промышленной выставкам. Художник сделал зарисовку той части улицы, где находится станция метро «Ботанический сад».

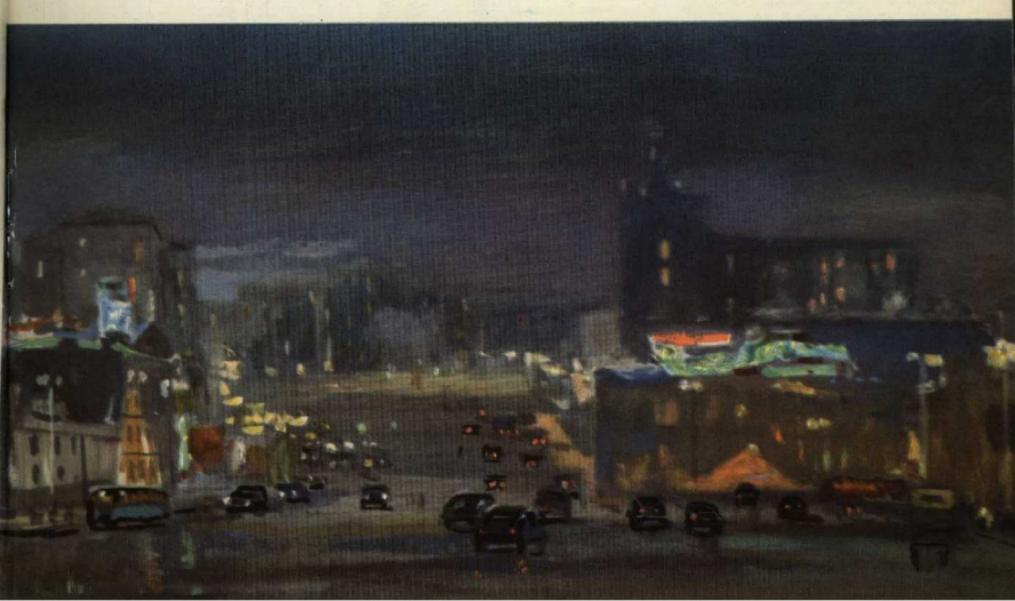
На нашем рисунке набережная Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Москва — город не только широких улиц и просторных площадей. Есть в ней и небольшие, тихие переулки. Они сохранили черты старой Москвы. Но новое появляется везде. На следующем рисунке вы видите один из переулков в районе Арбата. На заднем плане — высотное здание.

Краснава Москва ночью! Огромный город залит морем огней. Акварели, помещенные справа, сделаны на Арбатской площади и на Садово-Смоленской улице.

В следующих номерах мы продолжим знакомство наших читателей с Москвой — городом Фестиваля.

T. Spanos

Фернанда МАЧИОККИ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ПОЕЗД

Повесть

Рисунки Валентини Сфорца.

(Окончание. См. «Смену» №№ 1, 2.)

В повести Фернанды Мачиокки рассказывается о судьбе итальянских детей, у которых прошедшая война отняла родителей, лишила крова...

Дружная компания таких ребят — Сальваторе, Нуцинатина, Пасини и других — покидает один из враждебных городов перед началом Неаполя. Ребята живут в нужде, но не унывают, они дружины, изобретательны, они мечтатели и фантазеры, а самое главное — они влюблены в свою Неволю в первые...

В городе создан Комитет помощи неаполитанским детям. Этот комитет решил вывезти из Неаполя группу детей-бездомников на север Италии, в Модену, где занятые семьи согласились на несколько месяцев временного содержания и обучение...

В специальном поезде ребята едут на север. Распрашиваются с родным городом Сальваторе и Альфонсо, Дианако и Нуцинатина, по-крайней мере, с теми, кто со временем не забыл их обличия. Сальваторе, сына первого сапожника Горацио его приемный сын Кампаньелло. Интересного путешествия, новых впечатлений и встреч; щедрые люди Модены принимают детей Неаполя, как родных. Они теперь в гостеприимных семьях — Костантино, Родриго, Вернили, супругов Андреис и простого рабочего Марко Фиринно.

Однажды Нуцинатина и Кампаньелло прибывают к Сальваторе, чтобы сообщить ему, что синьорина Роберта поведет их в концертную и будет угощать школодром.

Сальваторе вынырнулся из окна, чтобы лучше разглядеть лица друзей. Он понял, что они задумали покинуть перед моденами, и вступил в игру.

— А вы не пойдете? — спросил он брата Брантину. Вы ничего не пойдете покупать?

— Мы не можем. У нас кузина больна, — ответил Тони.

— Что у нее? — спросила Нуцинатина.

— Грипп.

— О, это мне не нравится! Может быть, вам что-нибудь надо?

Если даже nozzle вам понадобится наша помощь, не стесняйтесь, мы придем.

— Спасибо, — ответили братья Брантини и удивились: до чего же странный характер у этих неаполитанцев! И все же они очень симпатичные.

Когда наши друзья вышли все вместе одеться в новые kostюмы и платья, аккуратные причесанные, вряд ли их узнали бы даже их собственные родители из Неаполя. Нуцинатина шла рядом с синьориной Робертой. Кампаньелло и Сальваторе шагали впереди, держась за руки.

— Сальве, тебе нравится Модена? — спросил Кампаньелло.

— Конечно, нравится! Но Неаполь красивее. Там столько солнца! А с тех пор, как мы приехали сюда, оно ни разу не показывалось.

— Может быть, в Модена вообщем-то не придет?

— Кампаньелло! — говорил чепуху Солице.

— Кампаньелло! — воскликнула Нуцинатина. — Посмотри, узнаешь ли ты soon того гульяни? — Она показала на мальчика в серо-коричневом плаще и бахромчатом берете, которого вела за руку синьорина.

Как не узнать! Он тоже жил в их грязном переулке. У него не было родителей, а единственная сестра — сиротка — родила целых двини. Чтобы помочь ей, мальчик ходил подбирать окурки и мусор. Однажды Нуцинатина и Кампаньелло нашли его, ползущим на углах Вила Рома и отвезли домой. Узида Брата, сестра расплакалась: у нее не было ни единого солды, чтобы покормить его. Тогда дети пошли просить милостыню — первый раз в жизни! Приближался Новый год, люди, как всегда в праздничные дни, становились добре, и ребята смогли собрать кое-что и на-кормить бедрятину.

Теперь, заметив их, мальчик обрадовался. Он приветливо закинул головой, показавши на свою новую одежду. Лицо его сияло, щеки уже не казались такими бледными и впалыми.

— Нет, Сальве, Модена действительно прекрасна! — воскликнул Кампаньелло. — Даже если в ней совсем не бывает солнца!

В концертной толпился народ и было душно. Альфонсо выбежал наружу, склонившись к своим друзьям. Они обнимались, целовались, трогали новую одежду друг друга, рассказывали о посылках, которые отправили домой, о полученных письмах... Синьорина Роберта села за столик с синьорой Андрией.

— Они напоминают только что оперившихся птенцов. Такие же крохотные и такие же славные.

— Представьте себе, что мой мальчик хочет помочь мне в то время, даже в городке. Это такой воспитанный и хороший ребенок! Он очень услужлив. Я даже не представляла, что есть такие дети. Мне кажется, я умру от гордости, когда он уедет.

— Лучше не думать об их отъезде в Неаполь... Скорее они будут учиться. И Нуцинатина и Кампаньелло через три дня начнут ходить в школу. А ваш?

— Ах, он очень трудно было убедить! Но наконец он согласился. Пойдет во второй класс...

Кампаньелло, Сальваторе, Альфонсо и Нуцинатина устроились

за соседним столиком. Перед ними стояли чашки с шоколадом и блоки с пирожным.

Прощаясь, Роберта сказала синьоре Андрея, что перед отправлением детей в школу она устроит для них небольшой праздничный вечер. Синьора Андреис обещала прислать на этот вечер Альфонса.

Почти все приготовления к праздничному вечеу синьорина Роберты перенесла Кампальялло и Нунциатина. Иногда и они забегали к Сальваторе — помочь, что-нибудь передвинуть, переставить...

Три модянских мальчика тоже пришли участники в подготовке к вечеру, чтобы синьорина Роберта поручила Кампальялло и Нунциатину. Иногда и они забегали к Сальваторе — помочь, что-нибудь передвинуть, переставить...

Я думал, Тони, ты принесешь кино. Оно небольшое, да и я могу помочь тебе, — предложил Кампальялло.

Наконец наступил праздничный вечер.

Первыми пришел Джакомо. Его встретила Нунциатина и приветствовала у входа.

Джакомо остановился и даже затаин дыхание. Неужели эта девочка, одетая в такое нарядное розовое платье, с аккуратно зашитыми косами, перевязанными лентами, и есть та самая Нунциатина, которую он так хорошо знает! Джакомо не удержался и восхитился:

— Нуунци! Ты стала совсем другая!

— И ты тоже!

Когда Кампальялло спускался вниз к Сальваторе, он встретил Паскалеву.

— Кампело! Ты поклон на пиниста! — воскликнула Паскалевая, пораженный видом своего приятеля. На Кампальялло был черный вельветовый костюм и белая пинейная рубашка. Мальчик был мелен, важно, опасаясь малейших прискосков, чтобы не испачкаться.

Синьорина Роберта принимала детей в гостиной. Они привнесли небольшой экспонат — букет цветов. Альфонсо явился последним. Он прятался громадный горт, который приготовила синьора Андреис.

Вероятно, за все время своего существования эта гостиня впервые видела столько детей. Стол был уставлен множеством сладостей. Детям так много надо было поведать друг другу, что они тараторили без конца.

Только когда началось кино, все сразу умолкли. Кампальялло отвел Джакомо в сторонку.

— Ты знаешь, — научился сказать Кампальялло, — шепнул он. Но верю! Разве можно так быстро научиться?

— Но науки учила сама синьорина Роберта.

— Все равно не верю, — уверил Джакомо. — Вот сам увижу, тогда поверю!

— Ладно! Пойшли вниз. Велосипед стоит у стоянки.

Они тихонько выскользнули из гостиной.

Но стоянка отказалась дать велосипед:

— Ночь на дворе, холодно да еще гололедица, упасть можешь...

— Синьорина Роберта разрешала...

Тогда женщина поднялась к синьорине Роберте и сказала, что нельзя разрешать мальчику кататься на велосипеде в такую пору.

На самом деле, синьорина Роберта бросилась вниз и, выбежав на улицу, увидела Кампальялло. Тот вынырнул из машины, прошел мимо мостовой, окутанной густым туманом. В эту минуту на него и насекло легкая машина.

Владелец автомобиля и синьорина Роберта подняли мальчика, потерявшего сознание, и отвезли его в больницу.

Стоянка вернулась в квартиру, чтобы присмотреть за детьми, которые ждали, пока за ними придет их «родители». Она позакрывала двери, окна и пригрозила подзатыльником первому, кто посмеет тронуться с места.

Сальваторе набросился на Джакомо:

— Ты виноват во всем! Ты заставил его поехать!

Джакомо ревел, забывши в угол.

Немного погодя пришли родители, но никто из детей, кроме братьев Брантини, не захотел уйти до тех пор, пока не станет известно, что с Кампальялло.

Синьорина Роберта вернулась домой уже в одиннадцатом часу. Бледная и усталая, она упала в кресло, но улыбнулась детям. Они окружили ее.

— ...успокоила она ребят — Кампальялло останется на несколько дней в больнице и скоро вернется. К счастью, он отдался только ушибом.

— Пойшли, — сказал Сальваторе. Дети гуском направились к двери.

— Вы куда? — удивилась синьорина Роберта.

— К Кампальялло!

— Но теперь поздно. Завтра я сама сведу вас к нему.

— Синьорина, — важно заявил Паскалев, — если мы не пойдем к Кампальялло, но увидим его мы не увидим. Наша команда велит нам быть вместе.

Оказалось совершенно невозможным убедить детей подождать до утра. Тогда вызвали сына синьоры Клотильды, он посадил их в грузовик Комитета и повез в больницу.

— В такую пору! — брюзжал он. — Но вы не спуститесь...

Но стоянка-больница оказалась рядом из Неаполя. Она сделала вид, что ничего не замечает, и ребята прошмыгнули.

Кампальялло лежал с компрессом на голове в чистой, белой комоде.

Я ждал вас, друзей! — заявил он. — Но мне все было благополучно.

Пожалуйста, ни в чем не вините Джакомо. Я сам виноват!

Ребята окружили его. Они старались не шуметь. Но вдруг раздался взорвал Нунциатина:

— Мамочки! Кампо, ты совсем изорвал свою костюм!

— Ну и что ж? Синьорина купит мне еще лучшее!

— Дети, пора уходить! Вашему другу нужен покой.

— А я останусь, — решительно

заявил Сальваторе. — Это мой приятель, и я обязан быть возле него! Когда мы уезжали из Неаполя, дон Гарсиа просил меня об этом и я обещал!

— В этом нет никакой необходимости, — деловито возразила сестра. — Завтра он будет дома.

— А я останусь, — настойчиво повторил Сальваторе.

— Ты виноват, дорогой, что здесь нет второй кровати. Где ты будешь спать?

— В кресле.

— Но это неудобно.

— Мамочки мои! До чего же она беспокояла!

— Что-о? — изумилась сестра.

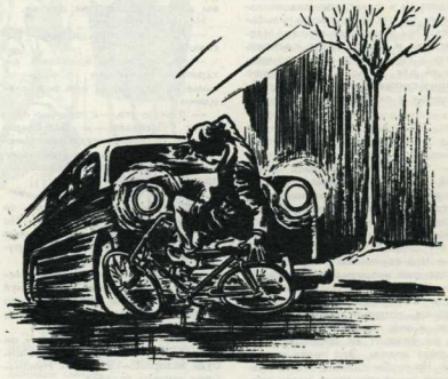
Ребята дружно рассмеялись.

Сестра глянула на них, затем

явила большого восторга. Радостная Нунциатина немедленно сообщила новость своим друзьям. В назначенный день, сопровождаемые синьориной Роберто, дважды пришли на станцию. Было холодно, но казалось, никто из детей этого не чувствовал: все были потешены предстоящей встречей с Розой.

Наконец, пытая и ухах, позываясь поздрав, Дверца купе третьего класса открылась, и на ступеньках показалась Роза. Вид у нее был утомленный и болезненный, плащ сильно измят. В руках она держала потрепанный чемоданчик.

Дети бросились к ней. — Что с тобой, Роза? — удивился Паскалев. — В Неаполе ты выглядела куда лучше.

Вышла, но вскоре вернулась с одеялом в руках и бросила его на кресло. Сальваторе остался.

Глава десятая

Школьники посыпали все неаполitanы. Нунциатина, Сальваторе и Кампальялло учились во втором классе «А», Альфонсо, Паскалев и Джакомо — во втором «Б».

Они отстали от ребят Модены, но учились привлекательно.

Среди модянских школьников попадались вполне ребята. Были и наглые засранцы, но три брата Брантини относились к нашим друзьям неизменно хорошо.

Между тем сразу установились обмен перышками, картинаами, цветными шариками... Сальваторе на шесть переворотов картины выменял шариковое перо, Кампальялло на перочинный ножик — астовку, а Нунциатина за подлинники видов Неаполя в красках получила куколку... В конце месяца ученики первых начальных классов тоже последовали их примеру, и обмены стали происходить даже на уроках.

Глава одиннадцатая

Не прошло и трех месяцев с начала учебы, как пришло письмо от Розы, в котором она сообщала, что выезжает в Модену. Нунциатина показала письмо синьорине Роберте, и та, не раздумывая, обрадовалась, что в ее доме появится еще одна девушка. Нини Лина, которая обслугивала двоих ребят, не про-

разила полной сумасшедшем взгляд с одного на другого. Чем это за девушки! Прекрасно одетые, с розовыми лицами... Ей казалось, что у них даже голоса изменились. А ее сестра Большой меховой жакет, аккуратно заплетенный косы... Что это?

— Если бы я встретила вас на улице, ни за что не узнала бы, — вымысла она наконец.

— Ха, это все пустяки! — пренебрежительно махнул рукой Джакомо. — Что ты скажешь, когда увидишь, в каких домах мы живем!

— У нас есть даже телефон, — добавил Сальваторе, вспомнив с холодной и горькой водой.

По пути в дому Нунциатина стояла синьорина Роберто. Сестра, что ее сестра была самой красивой и изящной во всем их переплете. Если ее пригодят, она будет там хорошо, что трудно даже представить...

— Откуда вы приехали? — спросила синьорина Роза.

— Из Рима. Я слухала у одной синьоры. Хотела стать актрисой, но это мне не удалось...

— А почему вы хотели стать актрисой?

— О, они так много зарабатывали! — откровенно призналась Роза.

— Вы нигде не учились?

— В Риме я училась в третьем классе начальной школы. Но прочла весь роман «Обещанные женщины»...

Они пришли домой. Синьорина Роберта приготовила ужин для Розы и дала ей свое платье. Уви-

дев Розу в новом платье, Нунциатину с облегченным ведомом. О, теперь ее сестра снова будет красавицей!

Оbed прошел очень оживленно, хотя Роза, смущенная всем окружющим и такой обильной едой, все время молчала.

Паскаль и Джакомо, чтобы удивить ее, стали говорить о географии, об истории, о римской империи, о Тирренском и Адриатическом морях, о четырех континентах... Наконец они замолчали, больше им ничего не приходило в голову...

Время приближалось к концу дня. С позапрошедшим братом Брантини Роза немного отвлеклась, стала рассказывать о Риме, обо всем, что видела там, и... немножко фантазировала.

Синьорина Роберта сидела с рудодемом в руках, нарезала поглавнее на ракет, и слегка улыбнулась. Она решила из отеля Нунциатины и Кампаниелло посыпать Розу у себя. Пусть будет помочь нищей для Лины, а в свободное время склонят брови крошки и шитья у синьоры Клотильды.

Глава двенадцатая

Я должен поговорить с тобой, — сказала однажды Паскаль свою другу Кампаниелло. Встретимся после уроков. Ты подожди меня!

Кампаниелло дождался окончания уроков.

— Что случилось? — спросил он, когда они направились к Паскаль.

— Мама присыпала письмо. Она пишет об одном докторе-иностранике, который приехал в Неаполь и ей показалась Пуппетти. Если он сделает ей операцию, она сможет ходить. Это почти наверное. Но чтобы сделать такую операцию, надо пятьдесят тысяч лир.

Кампаниелло тихо присвистнул:

— Доктор, конечно, думает, что тебе можно помочь...

— То, что он думает, меня мало интересует. Важно один раз дать деньги! Я хочу, чтобы моя сестренка ходила, как все девочки, чтобы была счастливой...

— Но как это сделать? Где дать деньги? Пятьдесят тысяч лир — не жареные каштаны!

— Конечно, не каштаны, но ты и все наши гуальтоны должны помочь. Собери сегодня ребят у себя, поговорим...

— Ладно!

К четырем часам все были в сборе. Паскаль и братя Брантини, которые теперь большую часть времени проводили в доме синьоры Роберты.

Дети заперлись в комнате Кампаниелло, синьорина была в своем рабочем кабинете, Роза — на уроке крошки и шитья.

— Друзья, — начал Паскаль, — как я уже говорил Кампаниелло, мне необходимо пятьдесят тысяч лир. Если в течение месяца моей сестре не сделают операцию и заграниценный доктор уедет, все пропадет. Вы должны помочь достать эти деньги. Я их верну. Я дам вам расписку и буду возвращать чаинки...

У меня есть две тысячи лир, — с готовностью предложил Джакомо.

— У меня три, — сказала Альфонса.

— А у нас пять, — заявил Тони Брантини.

Синьораторе, Нунциатина и Кампаниелло не имели денег. Все,

что им давали, они отсыпали родителям.

Ну, что ж, — сказал Паскаль, — пока у нас есть десять тысяч. Мы должны найти способ добить оставшиеся.

— Паско, — вмешалась Джакомо. Ведь сорок тысяч лир — та-как сумма! Что же нам, воровать, что ли?

Паскаль всхлипал:

— А по-твоему, только воровать добывают деньги?

— А как же их добить?

— Я знаю, как. Есть такое мечтально недалеко от школы. Там можно дешево получить контрабандные сигареты, продать их — и деньги обеспечены.

— А если сигареты краденые? — с тревогой спросил Синьораторе.

— Я уже все продумал. Вы должны только помочь мне, если вы действительно мои друзья.

Никто не ответил.

— Ну, так что? — спросил Паскаль.

— Мы могли бы продавать сигареты, — согласился Тони, — но мама не разрешает нам выходить одним.

— Я знаю это, — с горечью произнес Паскаль, — и благодарю вас. Вы оказались куда лучше моих друзей, хотя вы иностранцы. И, опустив голову, Паскаль направил взгляд в дверь.

Никто не остановил его.

— Для Паскаля я готова на все, — сказала Нунциатина. — Но то, что предлагает он, слишком рискованно. Надо поискать другой выход.

— Ах, если бы мы были в Неаполе! — с досадой воскликнул Синьораторе. — Там продают партию сигарет — главное дело! Но здесь, в Модене...

— Если мы не поможем ему, он обязательно впутается в какую-нибудь историю. — В словах Нунциатины звучала тревога.

— Да есть же идея! — предложил Тони. — Наш дядя — редактор журнала. Мы попросим его обратиться за помощью к подиписчикам...

— А ты уверен, что твой дядя согласится сделать это? — спросил Альфонсо.

— Конечно, согласится, если его попросят мама.

Тони немедленно поскакал домой и вскоре вернулся с матерью. Через несколько минут и синьорина Роберта была в курсе дела.

— Мы сейчас же позовем по телефону брата. Я уверена, что он сделает все возможное, чтобы помочь вашему другу Паскалю.

Чтобы избежать опасности, что

сказала синьора Брантини и, прискасав детей, улыбнулась. — А еще лучше, если я сама скажу тебе, будьте спокойны, все уладится.

Нунциатина даже всплакнула на родственника.

— А ты чего хрюкаешь? — возмутился Кампаниелло.

Синьораторе пошутил:

— У нее слезы всегда в запасе.

— Надо сейчас же пойти к Паскалю, обрадовать его, — предложил Джакомо.

— Вы можете позвонить ему, — подсказала синьорина Роберта.

Дети набрали номер, но окказалось, что Паскаль еще не вернулся домой. Все сразу принутили, почувствовав что-то недобro.

— Пойдем, будем дожидаться его около дома, — посоветовала Джакомо.

— На улице холодно, — заметила синьорина Роберта.

— Ничего, нам не привыкать, — засмеялся Синьораторе.

— К сожалению, я не могу проводить вас: у меня срочная работа.

— Не беспокойтесь. Нас проводит Роза, — сказала Нунциатина.

— А где она? — спросил Джакомо.

— У синьоры Клотильды. Я сейчас позову ее.

Роза и ребята уже приткновились от холода в подъезде дома Паскаля, когда наконец увидели мальчика. Он не в руках небольшой пакет.

Дети высыпали ему навстречу.

— Мы придумали способ достать деньги!

— Честным путем? — не скрывая иронии, спросил Паскаль.

— Конечно!

— Паскаль, оказывается, не очень обрадовалась этой новости.

— Как же мне быть? — растерялся он. — Ведь я уже взял сигареты и дал расписку...

— Ну и что ж! Ты вернешь ему сигареты, он отдаст тебе расписку, — сказала Роза.

— Нет, это скверный человек.

Он не вернет расписку.

— Нечего бояться. Пожши!

Паскаль повел друзей к дому к окраине города.

Позывание Розы с шестью ребятами очень удивило хозяйку дома.

— Вы хотите срочно видеть синьора Карллетто?

— Срочно, — строго ответила Роза.

Синьор Карллетто курил, развалившись на постели. При виде вошедших он вскочил.

— А, это ты! Что тебе надо?

— Говорить буду я! — Роза шагнула вперед. — Мы пришли забрать у вас расписку Паскаля.

— Какую расписку? — удивился Карллетто.

Роза взяла пакет из рук Паскаля и бросила его на постель.

— Возьмите ваши сигареты!

— Он сам выросли их у меня.

— И синьор Карллетто повернулся к Паскалю. — Оказывается, мы следим подумать, прежде чем вступать с тобой в сделку.

Роза всхлипала:

— Хорошо сделали! Будь вы в Неаполе, досталось бы вам пальто и родителей этого мальчика!

А тем временем дала расписку, иначе мы не уйдем отсюда!

— Какую расписку?

Роза двинулась к нему:

— Синьор! Мы пришли не шутить!

Карллетто смущался.

— Да, сигареты я ему дала. Если он не хочет продавать их, дело его. Но расписки, о которой вы говорите, не существует! А теперь сделай одолжение и уйрайтесь, пока я не выброси вас!

— Всегда ногой! — крикнула Роза.

Конечно, только неаполитанские порядочные люди!

Не говоря слова, ребята бросились на Карллетто. От неожиданности он поскользнулся и упал на пол. Пинки, тумаки, погони, грядомы посыпались на него. В комнату вбежала взволнованная хозяйка дома.

— Что здесь случилось?.. Стойте, стойте!

Роза схватила ее за руку и зачричала:

— Этот синьор торгует контрабандой. Вы, наверно, его собираетесь! Я сейчас же иду в полицию, обо всем расскажу! Бесовесстные!

Хозяйка покраснела.

Конфликт продолжалась.

Синьор Карллетто, несмотря на то, чтобы сбежались соседи, сидел на полу. Роза, синьорина и дети сидели на краю кровати.

— Да какие деньги? — прокричесал Карллетто.

— Конечно, конечно, конечно, синьор Карллетто. Неужели вы хотели, чтобы я сбежалась? Сосаги! Чего делать?

Синьор Карллетто, несмотря на то, что на окнах были занавески, сидел на краю кровати.

— Вам придется платить, — сказала Роза.

— Синьор Карллетто, — сказала Роза.

что операцию Пуппетте сделали, но результат никто не знал.

Мать Паскале писала:

«Будем надеяться, мой мальчик, что Пуппетта встанет на ноги. Передай своему другу, что Пуппетта целует всех и хочет пешком прийти в Модену, чтобы поблагодарить их. Я до сих пор веряла, что на свете могут быть такие великолодшие, хорошие люди».

Наконец в Модену пришла радостная весть: операция удалась, Пуппетта стала ходить.

С этого момента Паскале только и думал о том, чтобы вернуться поскорее в Неаполь.

Глава четырнадцатая

В четверг после полудня в доме синьорины Роберты позвалась Мария. Ребята сразу же бросились к ней на шею. В ней омыли и свой город, и дом, и семью.

Марино растрогала проявление таких бурных чувств. В сумочке у нее лежало письмо старика Гарацио на имя Кампаньелло и сто материнских наставлений Розе и Нуцинатине. Савваторе, будучи преданным Марии, точно на крыльях, влетел в комнату, но сразу же схиск, когда узнал, что ему нет ни письма, ни привета.

Привезд синьоры Марии не был бесцельным. Запервшись в маленькой гостиной, она вместе с Андреем и Робертой стала обсуждать, как устроить будущее неаполитанским ребятам.

Альфонсо вполне счастлив, ему у меня хорошо,—сказала синьорина Андреей.—Мы очень привязались к мальчику и можем усыновить его. Но я хотела бы иметь согласие родителей Альфонса.

— И я, не задумываясь, оставил бы ее себе, Кампаньелло и Нуцинатину,—обратилась к Марии Роберта.—Но без них родители этого решить нельзя.

— Конечно, детям лучше остаться с вами,—согласилась Мария.—В Неаполе им ждет только нищета. Но все-таки они неаполитанцы! Я не думаю, чтобы они согласились остаться, хотя здесь им там хорошо и все так любят их...

— А может быть, они же останутся?—спросила синьорина Роберта.

— Они неаполитанцы,—ответила Мария.—Все ясно, случаи, прежде чем решить этот вопрос, надо поговорить с их родителями и послушать, что скажут сами дети. А теперь извините меня, тороплюсь навестить девочку, которая тяжело заболела здесь. Я приехала из Неаполя вместе с ее матерью. Бедная женщина призналась мне в поезде, что еще до отправки ребенка сюда ей было известно о болезни сердца дочери, но мать скрыла это от врача, чтобы не ходить в больницу и уход пограть ее... Мария горюко улыбнулась и добавила:—Как будто сердце можно излечить хорошим питанием!

Глава четырнадцатая

Наступила весна. Зацвели яблони и мимозы.

— Кто знает, какое теперь небо в Неаполе,—задумчиво сказал Кампаньелло, обращаясь к Сальваторе.

ваторе, когда они утром шагали в школу.

— В Неаполе уже идут дожди. Скажи, Кампо, соскучился ты по Неаполю?

— Я не дождаусь возвращения. Здесь, конечно, хорошо, но в Неаполе совсем другое дело! А ты?

— Неужели ты думаешь, что я не хочу вернуться? Хотя, как помню, что меня ждет там, становится страшновато.

У подъезда они встретили Нуцинатину, которая несколько дней не была в школе: у нее болели зубы.

— Девочка с большим сердцем умерла,—собщила она.—Завтра похороны, и мы все должны присутствовать ей.

— Бедная!

На похоронах маленькой неаполитанки была вся колония ребят, приглашенные из Неаполя. Приходила и синьорина Мария. Синьорина Роберта приветствовала детей горячим шоколадом, но похороны произвели на них такое тяжелое впечатление, что они не чувствовали голода.

Когда Роза ушла на урок шитья, а синьорина Роберта и Мария перешли в другую комнату, дети остались одни.

— Я кое-что узнал,—тайнственным голосом сообщил Альфонсо и оглядывая кругом.—Это довольно-таки серьезное дело.

— Что такое?—заинтересовалась Альфонсо.

— Альфонсо понизил голос:

— Синьорина Андреей хочет усыновить меня.

— Как это?

— Мамочки мои! Вы совсем невежественны! Это значит, что она хочет сделать меня своим законным сыном.

— Ах, как это чудесно!—восхликала Паскале.—Ты становишься таким богачом!

Альфонсо бросил взгляд на каждого из своих друзей.

— Ну, что вы скажете?

— По правде говоря,—искренно призналась Нуцинатина,—когда я вспомнила Неаполь, мне плакать хочется. Здесь есть все — там ничего.

— Как ты можешь говорить такое!—вздохнула Кампаньелло.

— А разве не так? Я не хочу больше жить в грязном переулке! Неужели ты забыл, как мы головали?

— А ты не хочешь опять увидеть маму?—спросил Кампаньелло.

— Конечно, хочу. Но что бы я делала, мама всегда была не довольна мной!

Кампаньелло нахмурился и ничего не сказал. К нему подошел Паскале.

— Конечно, хочу, Нуцинатина и Альфонсо не пропустили здесь потому, что они самые плохие дети. Им действительно здорово доставалось.

Кампаньелло посмотрел на него глазами, полными слез.

— Мы должны что-то сделать, чтобы моя мама нашла свое первенство лучше... Но как это сделать? Кто сделает?

— И о чем ты только думаешь?—Нуцинатина склонила прелестную гримасу.—Нищета в Неаполе была и будет всегда!

— Неправда!—запротестовал Кампаньелло. Он повернулся к

Сальваторе.—Я не хочу больше быть моржом! Я вырасту большим и буду писать, расскажу всем, что нашему городу надо помочь. Я опишу дома богачей и нации, которые даже неизвестны называнием...

Вошли синьорина Роберта и Мария. Дети умолкли.

— А где Роза?—спросила Роберта.

— На уроке шитья,—ответила Нуцинатина.

— Пойдем и позови ее, пожалуйста.

Когда пришла Роза, Мария обратилась к ребятам:

— Я говорила с доном Гарацио и с матерью Розы и Нуцинатиной о том, что синьорина Роберта хочет усыновить нас.

Кампаньелло всхлипал. Он весь покраснел, хотя то что сказать, но промолчал.

— Дон Гарацио,—продолжала Мария,—просил передать, что если Кампаньелло согласен остаться здесь, старик не рассердится; но уедет из Неаполя к своему брату в Торре дель Греко. Мата Нуцинатины тоже, кажется, довольна, но просит только, чтобы девочка хоть один раз в году приезжала в Неаполь. Роза уже взрослая и, если хочет, может остаться в Модене и устроиться на работу.

Ребята молчали.

— Но проще синьоры Андреей я говорила и с матерью Алфонсо. Она рада, что хоть один из ее мальчиков будет устроен. Завтра я возвращаюсь в Неаполь. У вас есть целый день на размышления. Решайтесь: останетесь в Модене или возвращаетесь домой?

— Я ухожу,—решил—ответил Кампаньелло.—Здесь мне очень хорошо, я ни в чем не нуждаюсь, но там, в переулке, мой дом и мой отец—дон Гарацио. Я не могу бросить его.—Кампаньелло взглянул на синьорину Роберту и убийственно спросил: «Что вы мне сделали для меня? Но если бы мне предложили весь город Модену, я и тогда не остался бы здесь! Я возвращаюсь в Неаполь!»

Сальваторе подошел к другому и обнял его.

— Ты хорошо сказал, Кампо. Здесь великолепно, но как же нас там не перенюют?

Альфонсо только покзал плечами.

— А я останусь. Отсюда я лучше помогу матери и братьям. Я буду работать в кондитерской; синьорина Андреей обещала платить мне жалованье.

— Ну, а вы?—обратилась Мария к Нуцинатине и Розе.

— Мне здесь лучше,—ответила Роза.—Что я буду делать там, в переулке, если вернусь? Я уже взрослая и должна работать. А Нуцинатина сама решает сама. Как ты хочешь, Нуци?

— Я еще подумаю,—ответила девочка.

— В эту ночь Роза и Нуцинатина почти не спали.

Знаешь что,—сказала Роза,—пойдем, мимо лучше вернемся в Неаполь. Ведь я научилась кроить и шить. Стану портнихой, и ты будешь жить со мной.

— Нет! Я хочу ходить в школу, хорошо одеваться!

— Но ты забываешь, Нуци, что у нас нет отца, и если мы не вернемся, мама останется одна.

— Понимаю...

— Значит, ты должна вернуться.

Нуцинатина не ответила. Она настукнула на голову одеяло и заснула.

Глава пятнадцатая

Приближалась рождество. Сильвия Роберта обещала Нуцинатине и Кампальелло подарки: девочка ждала куклы, мальчик — велосипед. И действительно, Кампальелло получил хорошеный «Бычок», а Нуцинатина — заводную куклу, которая отчего-то выговаривала: «Мамма».

Как-то Альфонсо сообщил Кампальелло, что он получил письмо от Леппино. Леппино писал, что дон Флорестано уволил его и он решит ехать в Модено, надеясь, что друзья помогут ему устроиться.

И вот однажды утром Леппино с узелком под мышкой появился в кондитерской. В первый момент сильвия Андрей пришла его за покупками.

— Что вам угодно? — любезно спросила она.

— Я друг Альфонса, — еле выговорил мальчик и разрыдался.

Эти слезы решили участь Леппино. Сильвия Андрей заявила мужу, что если даже не будет лишними в кондитерской.

Кампальелло и другие ребята, узнав о приезде Леппино, сразу же пришли проводить приятеля. Они увидели чистого, умного и улыбающегося мальчика. В следующее воскресенье все собрались в квартире сильвии Роберты. Тони принес киностанковую и демонстрировал один из фильмов три раза подряд, так как Леппино никогда еще не видел кино. В тот же вечер Тони поиздевался на головную боль, а на следующий день врач установил, что у мальчика тиф.

Младшие братья Тони вместе с языком отправились к родственникам, а неаполитанским друзьям строго-настроги запретили навещать больного. И все-таки утром Кампальелло уже стучал в дверь квартиры Брантини.

— Мне очень жаль, — ответила мать Тони, — но я не могу позволить тебе войти. Тиф — разразная болезнь!

Сильвия, я не заражусь... — Нет, Кампо, лучше в сканку Тони, что ты приходил навестить его, и он будет признательен за внимание.

Кампальелло вернулся домой, но вскоре стучался уже в соседнюю дверь, рядом с квартирой Брантини. Ему открыла служанка. Мальчик заявил, что он уронил к нему на балкон какую-то вещь. Ему разрешили войти, чтобы забрать ее. Но едва он оказался на террасе, как сразу же подвыпрыгнула белка, бросившись, опутавшись в квартире Брантини и представив перед своим другом.

Сильвия Брантини нашла его сидящим у синя. Он с увлечением рассказывал о Неаполе.

— Что это? — воскликнула она. Но у нее так и не хватило решимости прогнать мальчика.

Глава шестнадцатая

Наступило тридцать первое июня.

У платформы станции Модена стоял поезд, который должен был доставить домой детей, гостивших всю зиму на севере. Багажи были украшены флагами, в окнах мелькали аккуратно причесанные детские головки.

Ребята прибыли на станцию в сопровождении своих новых «родителей». Проводить друзей пришли также и Альфонсо и Леппино. Вместо узелков, с которыми сошли ребята когда-то на этой станции, теперь у каждого был чемодан. Роза, Нуцинатина, Кампальелло, Сальваторе, Джакондо и Паскале сели в поезд. Кампальелло и думал о велосипеде, его мучило сомнение: придет ли в Неаполь его «Бычок» от правленный накануне багажом.

Сильвия Роберта была печальная. На глазах ее блестели слезы, но она сдерживала их, чтобы не расстраивать детей, которых за шесть месяцев успела полюбить, как родных.

Пришли братья Брантини с подарками. Тони был еще бледен, но голос его звенел:

— Мы обязательно приедем к вам! Правда, что в Неаполе настоящие море! Какие вы счастливые...

В этот момент на перроне показалась запыхавшаяся Феррарино, у которого жила Паскале. Под мышкой он держал ящики — полный набор слесарно-механических инструментов.

У Паскале от волнения пропал голос, слезы потекли по щекам.

— Как?! — удивился Феррарино. — Ты недозволен! Тебя не нравится?

— Нравится, очень нравится... — говорил мальчик, глотая слезы. — Но ведь вы не боялись... а это стоят дорого...

Альфонсо и Леппино молча стояли в сторонке, опершись о колонну. Джакомо гримко свистнул им и показал в полуоткрытое окно новую пару коньков, полученные в подарок от сильвии Верриллы.

— Теперь я стану знаменитым конькобежцем!.. Посмотрите, что мне еще подарили! — И он развернулся над головой матросским костюмом.

Вместе с Марийой у вагонов появился начальник поезда в своей обычной красной фуражке с галунами. Дети закричали: «Ура!»

— Да ведь это наш Кампальелло пришел! Смотрите, вот он!

Раздался продолжительный смех. Створки окон закрылись. Паровоз запыхтал. И опять над всеми голосами зазвенел голос Кампальелло:

— Сильвия Роберта, не скучай! Мы едем в Неаполь!.. Слабо? — Сильвия: «Будь здоров!.. Будьте здоровы!.. Мы никогда вас не забудем!.. Живите сто лет!..

Начальник станции поднял сигнальный жезл. Альфонсо и Леппино смотрели на него, как зачарованные. Затем Альфонсо потянулся за руку приятеля, что-то шепнул ему. Леппино кинул головой, и оба мальчика мгновенно оказались на подножке поезда.

Мария подбежала к ним.

— Сейчас же спешите! Поезд отправляется!

— Сильвия, мы не остановимся в Модено... Мы неаполитанцы!..

Мария обняла их и покрыла прижала к груди.

Поезд тронулся. Медленно прошли платформа, станционные здания, затем замелькали пригороды Модено. Солнце светило ярко, весело. Так же весело звучали и песни, которая неслась из окон вагонов специального поезда, увозившего детей домой.

Домой! В родной Неаполь!

Перевод с итальянского
Ю. АВЕРБАХ
и А. БЫЛЫНСКОГО.

Недавно в Горьковский политехнический институт пришло письмо из Пекина, от китайских студентов, живущих в Китае. В письме было сказано: «Знать вашу жизнь и делали бы гордость в нем... хотим перенести ваш технический опыт учебы и работы... Пекинский университет — один из гордочинам подарили, и в их числе два памятных вымпела. Это вымпела, дружеских чувств китайского студенчества из нашей страны, к советской молодежи и науке. Пекинский университет — это памятник, посланный в Пекин бывшим ученикам Горьковского института. Пекинский университет — это памятник, посланный в Пекин бывшим ученикам Горьковского института. На этом снимке вы видите группу студентов Горьковского политехнического института. Они пишут письмо в Пекин.

г. Горький. Фото В. Вородина.

Зимой в лесах Татарии.
г. Казань.

Фотоаппарат А. Шиегаса.

Студенты Минского политехнического института, проходящие производственную практику на заводе «Красный металлист» в г. Борисове, одновременно занимались изучением методов производства металла эмалью. Вернувшись домой, выпущенные Владимиром Мазуренко, Алмазом Король, Татьяной Болбат, Надеждой Пановой и Наташей Григорьевой, они разработали новую, более совершенную технологию этого процесса. Уже достигнуты незначительные успехи в этом направлении. Фото А. Мышникова.

г. Минск.

Фото А. Мышникова.

Этот снимок сделан в колхозе имени Тимирязева, Городецкого района, Горьковской области. Члены сельхозкооперации, особенно молодежь, поддернивают друг друга в изучении Священного письма нашей страны, а также с колхозами и хозяйствами стран народной демократии. Немало гостей из союзных республик и других регионов побывало здесь. В память о встречах они препорекают колхозчанам подарки. Недавно в сельхозкооперации имени Тимирязева организован Музей дружбы, в котором эти подарки бережно хранятся.

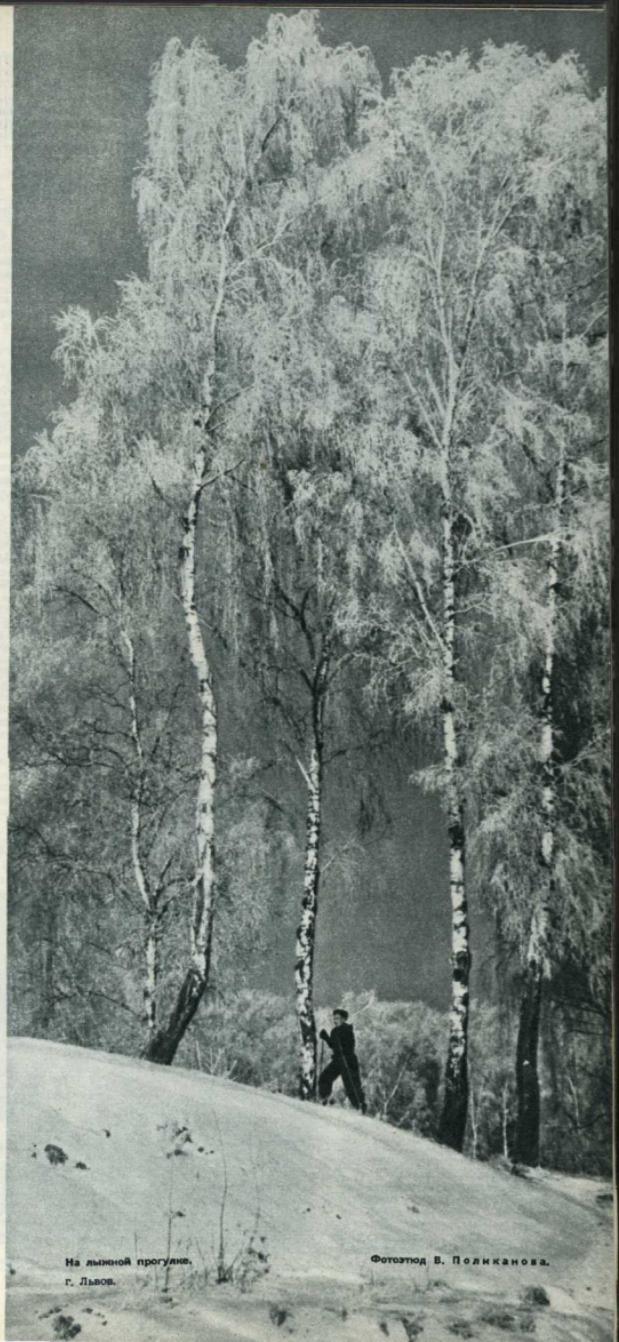
Фото А. Горячова.

Фестиваль в школе № 112 Советского района г. Москвы был организован своеобразный клуб. Члены его, готовясь к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов, изучают английский язык. В клубе необычайно много интересных разговоров, пристаний, переписки и другие. Руководят занятиями преподаватель английского языка Г. Я. Дорф. На снимке: группа членов клуба.

г. Москва.

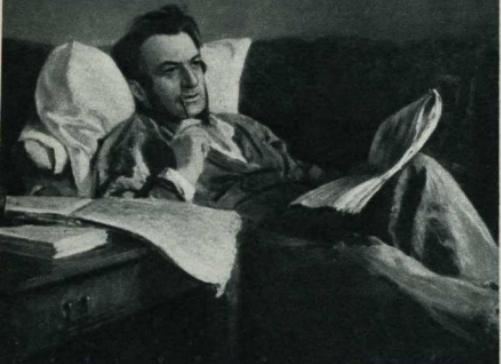
Фото В. Тутова.

На лыжной прогулке.

г. Львов.

Фотоэтюд В. Поликанова.

Портрет М. И. Глинки работы И. Е. Репина.

"Музыка — душа моя!"

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ
М. И. ГЛИНКИ)

Михаил Иванович Глинка — основоположник классической национальной музыки. Его творчество, разнообразное и многогранное, явились подлинным выражением неукротимой силы, богатырской мощи, души родного народа. И именно поэтому впечатление особенной притягательности, бодреческой, блестящей захватывает нас, когда мы слушаем музыку Глинки. Вспомните народный плясовой мотив «Камаринской». Сопровождаемый присказками, прибаутками, бесконечно варьируясь и развиваясь, стоятлины живет в нашем народе этот мотив, передаваясь из поколения в поколение. Глинка написал на него большое оркестровое произведение. Полная искреннего задора и широкой удаль музыка «Камаринской» ярко раскрывает своеобразное холмское богоявление русского человека.

Композитор считал, что основой творчества должно быть народное искусство. «Создает музыку народ», — говорил он, — а мы, художники, только ее аранжируем». Глинка, как никому другому, удалось глубоко проникнуть в самые скрытые думы и чувства русского народа, раскрыть всю прелесть народных сказок, былин, песен, этих явлений народной истории, этих живущих искусств.

Еще маленьким в ровном по-месте Новопасекском, Смоленской губернии, Глинка заслушивалась крестьянскими песнями. «И, может быть, эти песни, слышанные мною в ребячестве, были первою причиной того, что впоследствии я стал

преимущественно разрабатывать народную русскую музыку», — вспомнил спустя много лет Глинка.

С произведениями многих композиторов Глинка ознакомился, слушая крепостной оркестр у своего дяди в Шмакове. Постепенно накапливаясь и усиливаясь в его душе любовь к музыке. Ребенком как-то в приливе необыкновенного чувства Глинка воскликнул:

«Музыка — душа моя». В то время он не знал, что эти слова станут девизом всей его жизни.

...1812-й год. Русский народ, пренеподобленный великой решимостью и смелостью своих сыновей, разбил армию Наполеона. Преследуя отступающего противника, русская армия освободила от националистического ига другие народы Европы. Всё эти события глубоко отразились в сознании будущего композитора. С детской впечатительностью воспринимал Глинка рассказы о простых людях, защищавших Отечество, о подвигах солдат и офицеров. Образы патриотической родной земли, отдавших за нее свою жизнь, вошли в неизгладимый след в юной душе.

Когда отгреблась война, Глинка с родителями возвратился в родные места. Под руководством домашних учителей он продолжал свое образование. Тринадцать лет родители определили его в Благородный пансион при Главном педагогическом институте в Петербурге — одно из закрытых учебных заведений, где обучались дети дворян.

Глинка провел в пансионе пять лет. Превосходя в занятиях, он всегда находил время и для музыки, хотя последняя не считалась образованной проповедовалась за скобью пугу. Здесь к концу учебы Глинка сочинил свою первую музыкальную произведение — небольшие пьесы для фортепиано, где

обучались дети дворян.

Отец будущего композитора хотел видеть сына чиновником.

Глинка поступил в Петербурге на работу в качестве помощника секретаря Главного управления путей сообщения и несколько лет работал там. Сколько внутренней борьбы, сомнений, тревог, а порой и отчаяния пришлось преодолеть молодому композитору, пока он не пришел к окончательному и бесповоротному решению бросить службу и посвятить себя «искусству! В 1828 году он вышел в отставку и смог, наконец, отдать все силы музыке.

Уже ранне проинженение Глинки привлекло внимание не только русской общественности, но и зарубежных ценителей музыки. Находясь в Италии, он написал ряд произведений, которые были

изданы в Милане. Однако сам композитор не считал эти работы совершенными. Возвращаясь в 1834 году из Италии, он начал работать над героико-патриотической оперой «Иван Сусанин», сюжет которой взят из истории борьбы русского народа с польским интервентами в начале XVII века.

Композитору удалось с удивительной сердечностью передать живой образ костромского крестьянина Ивана Осиповича Сусанина, в котором как бы воплотились лучшие черты русского народа. Столкнувшись с врагом, осознав все меру ответственности за судьбу родной земли, Иван Сусанин, не колеблясь, отдает жизнь за горячо любимую Отчизну.

Премьера оперы состоялась в 1836 году. В письме к матери Глинка писал: «Долгий труд мой был ученым самым блестательным успехом. Публика приняла мою оперу с необыкновенным энтузиазмом...»

Но слова автора относились лишь к передовым слоям общества. Придворная же aristokratiya встретила новую оперу более чем холодно; народный характер ее привнес не по вкусу дворянской верхушки. «Кулическая музыка!» — воскликнули высокопоставленные крепостники.

Глинка на этот раз отвечал им: «Это хорошо и даже перво, ибо кучера, по-моему, делнее господ!»

После постановки оперы «Иван Сусанин» Глинке предложили должность капельмейстера придворной левческой капеллы в Петербурге. Одновременно он преподавал в Театральной школе и начал работу над новой оперой — «Руслан и Людмила».

Служба в капелле, неприятности, связанные с неудачной женитьбой, отвлекали Глинку и мешали сосредоточенно работать над оперой. Закончил он ее лишь в 1842 году. Это произведение положило начало развитию в русской музыке нового направления — народного эпоса. Победа богатыря Руслана над темными силами злого воцарения Черномора воспринимается как торжество

«Иван Сусанин». Сцена из 1-го акта.

ство справедливости и обождение народу от вражеского угнетения.

Горячий патрот, проникновенный знаток русской народной музыки, Глинка в то же время интересовался музыкальной культурой других народов. Это нашло отражение в его творчестве. Не случайно для первозданного хора в замысловатом национальном «Ложжите в поле мраз почин» — Глинка использовал передисловия народные песни. Аудиент Академии вспоминал: «Я чисто интуитивно вспоминаю, что он (Глинка) на скрипке ему (Глинке) татарские песни, слышавшиеся мною в детстве еще в Крыму, и он их перенес потом в «Руслана и Людмилу».

А. П. Керн, которой Пушкин посыпал известное стихотворение «Я помню чудное мгновенье», послужившее темой для романса Глинки, в своем воспоминании отмечал: «Приглас на одну станцию, мы заметили, что он (Глинка) с карандашом в руке и листком бумаги, стоя за полуразрушенным сараем, что-то пишет, а его возница перед лицом дает какую-то песню. Передавши бумагу, что ему нужно было, он подвел чухонца к нам и заставил его спеть свою песню. Из этого мурлыка чухонца Глинка выработал тот самый мотив, который так язвительно и грустно звучит в арии Филиппа, в опере «Руслан и Людмила».

Однако первое представление «Руслана и Людмилы», состоявшееся в 1842 году, успеха не имело. Царь, присутствовавший на спектакле, демонстративно уехал до окончания действия. Начались нападки на оперу, которую обзывали «неудачной». В 1845 году она была снята со столичной сцены.

Композитор, огорченный этим, вскоре предпринял новую заграничную поездку — в Испанию, где знакомился с достопримечательностями страны, ее народной музыкой, традициями. Творческий результатом этого путешествия явилось два оркестровых произведения: «Ночь в Мадриде», «Арагонская хота» — фортепианный ми-норатор «Андалузский танец» и другие.

Великий русский композитор был прекрасным исполнителем и замечательным педагогом. С юных лет и до последних дней жизни он испытывал постоянное влече-ние к игре на фортепиано. Обладая хо-рошой техникой, глубоким исполнительским мастерством, он не пытался дразнить слушателей вы-трезвойшим бравурой, а стремил-ся донести художественное со-держание произведения.

Одни из друзей Глинки — П. М. Ковалевский — писал: «В игре Глинки было не много декоративного, концертного — ни-чего наложка. О методе, беготли-стиле, — всего этого приклада пуб-личного исполнения, не на минуту не приходила мысль, когда за роялем сидел Глинка. Это было обще мыслью Глинки.

Придавая своему исполнению особую жизненность произведе-нию, Глинка, говоря словами Белинского, умел «адаховать» (в них) душу живую».

Будущий уже зреющим композитором, М. И. Глинки продолжал изучать теорию музыки, жаждал интересуясь новинками отечественных и зарубежных композиторов. Зиму 1856—1857 года он провел в Берлине у известного в то время

БЕССМЕРТНЫЕ ОБРАЗЫ

«Руслан и Людмила», «Иван Сусанин» — два сверкающих алмаза, которые подарили человечеству Михаил Иванович Глинка. Именно этими драгоценными партитурами открывается история русской оперы.

Каждый певец неизменно испытывает на себе могущее воздействие замечательных произведений великого композитора. Корреспондент «Смены» обратился к нашим ведущим артистам с просьбой поделиться со своими мыслями о работе над теми образами, которые им пришло всплыть на сцене театра.

ЛЮБИМАЯ РОЛЬ

Иван Сусанин — мой самый любимый герой. Еще будучи юношей, живя в Казани, я увидел в этой роли Федора Шаляпина. Я слушал тогда «Ивана Сусанина» впервые. И опера и игра захватили меня артистом. Я не знал, что такое неизъяснимое впечатление. Мой мечтой стало исполнить когда-нибудь эту партию. И вот наступила незабываемый день, 17 марта 1938 года. На сцене Большого театра я пел Сусанина. Почти двадцать лет прошло с тех пор, но каждый раз, испытывая либютную партию, нахожу в ней все новые краски, новые детали.

теоретика-музыканта З. Деша. Там он вскоре после приезда заболел и, окруженный чудными лодыжами, вдали от горячо любимой родины, 15 февраля 1857 года скончался

За свою сравнительно недолгую жизнь Глинка написал свыше ста песен и романсов, более семидесяти пьес для фортепиано, две оперы, множество мелодий и пьес для оркестра. Великий композитор под влиянием передовых демократических идей своего времени создал незабываемые сочинения, значение которых настолько велико и жизненно, что Глинка по праву считается основоположником русской классической музыки. Его творчество благоприятно склоняло к широкому чтению многих замечательных композиторов нашей родины: Даргомыжского, Бородина, Мусорского, Римского-Корсакова, Рахманинова и других.

В наше время произведения М. И. Глинки нашли особенно широкое распространение. Оперы «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила» не сходят со сцен современных оперных театров, часто исполняются романсы и песни, оркестровые и фортепианные пьесы. Искусство Глинки, наполненное большой жизнелюбией правдой, светлым гуманизмом, дорого и близко нам. Это искусство бессмертно.

В. НЫРКОВА,
кандидат искусствоведения

Удивительно свободно чувствую себя, когда пою Ивана Сусанина. Музыка так органически связана с образом, так глубоко и правдиво передает каждое движение души героя, что певцу, несмотря на многие технические трудности, легко. Ведь каждая музыкальная фраза, каждый аккорд жизненно оправданы и помогают ярче раскрыть характер Сусанина.

Я обладаю большим и трепетным исполнением в арии «Ты взойди, моя звезда». Засыпавшая, заснувшая девочка чаща дремучего охотничьего леса — место, «куда и ворон костей не заносит». Рестернские, злые враги, и среди них — полный величественного спокойствия и внутреннего торжества русский крестьянин, который привел врагов на верную смерть.

Он горячо любит своих детей, свой дом, но дороже всего на свете, дороже самой жизни для него — родина.

Большое творческое счастье — нести зрителям этот образ.

Максим МИХАЙЛОВ,
народный артист СССР

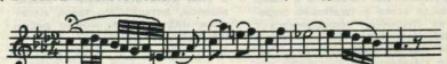
РУБЕЖ НА ТВОРЧЕСКОМ ПУТИ

лота сливаются с другими столь характерными для русской женщины чертами: кристальной чистотой, мягкой задушевностью, верностью...

Я долго искала клавир оперы, перед тем как начать готовить эту труднейшую партию. Перед моей рожденные музой Глинки широкие просторы русских полей, вольное дыхание ветра, большие человеческие характеры, глубоко волночущий образ простой крестьянской девушки Антониды, пронимнутый сильным внутренним драматизмом.

Этот драматизм должен быть ярко раскрыт певицей в резко контрастных по своему звучанию ариях. Вспомните знаменитую катарину и рондо, которые следуют за блестящей увертюрой. Радостно возволнованная Антонида ждет жениха, скоро должна быть свадьба. Напевная, оптимистическая музика, написанная широко и свободно, рисует жизнерадостный облик русской девушки. И петь катарину нужно свободно и легко, а ведь с вокальной сто-

роны она представляет значительные трудности.

Но вот певица уходит Сусанина из дома. Эпизод вторая ария Антонины. Какая резкая смена настроений! Сколько глубокой печали и грусти вложили Глинки в слова: «Не о том скорблю, подурженый! Голос певицы должен приобрести совсем иную окраску...

Я вспоминаю в связи с этим выказывание словоизречения русской оперной сцены Антониной Васильевны Неждановой, которая дебютировала в Большом театре в партии Антониды.

«Руслан и Людмила». Сцена из 1-го акта.

— Что значит хорошо петь? — частенько говорила Антонина Васильевна. Это значит хорошо слышать себя.

Великая певица уделяла особое внимание развитию внутреннего слуха артиста, который должен постоянно себя контролировать. Такой самоконтроль особенно необходим в операх Глинки, где исполнителям приходится сталкиваться с большими техническими трудностями, сдавать своеобразный экзамен на зрелость.

Ирина МАСЛЕННИКОВА,
заслуженная артистка РСФСР

НЕЖНОСТЬ, ЖЕНСТВЕННОСТЬ, ЧИСТОТА

Когда я еще занималась в музыкальном училище, мне очень хотелось спеть партию Людмилы из оперы «Руслан и Людмила». Тогда мне удалось осуществить это желание лишь частично. На выпускном экзамене я исполнила арию «Грустите, мое, родитель дорогой...» Но стремление сыграть эту партию не покидало меня, и через пять лет я выступила в этой роли.

Партия Людмилы состоит из основного из двух частей. В выходной арии первого акта Людмилы грустит, но грусть ее светла. Извещно и легко высыпает она хвастливого Фарлата с надеждой на счастье обращается к Лелю. В этой арии раскрывается нежность, женственность, душевная чистота Людмилы. В сцене с Черномором проявляются иные черты ее характера: преданность любви, страсть, страсть к свободе — все, что помогло победить злого воцаряника.

Иногда можно умом понять, продумать свою роль от начала до конца и все же не достигнуть не-

обходимого вокально-сценического эффекта. «Какой певец, какая певица могут вполне усвоить себе мысли Глинки? — писал известный композитор и критик А. Н. Северов. — Для этого надо быть — безделицами! — чтобы в них жила глининская инстинктивная и сознательная музыкальность».

По мере своих сил я и стремлюсь постичь вот эту самую внутреннюю музыкальность творчества Глинки, и хотя пою Людмилу уже пять лет, но чувствую, что сделала далеко еще не все.

Вера ФИРСОВА,
народная артистка РСФСР

ЭТО НЕ МОЖЕТ НЕ ВОЛНОВАТЬ

лодости с удивительной отвагой. Юнец, у которого еще только начинают пробираться усы, — храбрый рыцарь, смело идущий вперед, чтобы освободить любимую Людмилу от чар волшебника Черномора...

Создание образа Руслана усложняется его внешней, кажущейся статичностью. Огромный музыкальный материал не дает возможности артисту часто менять мизансцены, передвигаться, как ему этого хотелось бы. Поэтому выразительность образа здесь достигается в основном через глубокое изучение каждой музыкальной фразы.

Как пример можно привести арию Руслана в сцене поединка с Головой. Эта ария длится около десяти минут, но зритель, захваченный чудесной глининской музыкой — «О поле, поле, кто? Тебя уселят мертвыми kostями», — не замечает «статичности» героя.

Партия Руслана — этапная пьеса на творческом пути каждого певца. Уже десять лет исполняю я Руслана, но до сих пор находку я Руслана все новые и новые находки, метаморфозы. Это такой материал, над которым можно работать всю жизнь!

Иван ПЕТРОВ,
народный артист РСФСР

Впервые мне пришлось соприкоснуться с волшебным родником творчества Глинки в 1946 году, когда в Большом театре я приступил к работе над партией Руслана.

Вспоминаю, какую радостью для меня было это ответственное поручение, как готовился к нему. Прежде всего, я внимательно читал Пушкина, познакомился с клавирами оперы. Мне хотелось в этой партии подчеркнуть в Руслане сочетание необычайной мо-

«Руслан и Людмила». Финал.

Рисунок П. Буинина.

Замечательному украинскому писателю Александру Гаврилюку мало пришлось жить при Советской власти. В 1939 году он, как и тысяч его братьев и сестер из Западной Украины, был ограблен Советской Армией от гнета панской Польши. А 22 июня 1941 года Александр Гаврилюк вместе со своим боевым другом писателем Степаном Туборским погиб от первой гитлеровской бомбы, сброшенной на город Львов.

Проблема прекрасной была тридцатилетняя жизнь этого чистого, отыччивого человека, борца за коммунизм, талантливого писателя. Воспитанник подпольного комсомола, Александр Гаврилюкступил на творческий путь в ранней юности. Духовным руководителем его был Ярослав Галан, чья отважная судьба известна всем.

Книга Александра Гаврилюка «Избранные», «Песни из Березы», выпущенные в 1939 году вами «Советским» из этого же издания «Молодой патриот», содержит биографию. Читая их, мы чувствуем, что Александр Гаврилюк — это человек одной судьбы с Юлиусом Фучиком, Муцием Джакоми. Его документальная повесть «Береза» является прямой предшественницей «Слова перед казнью» Юлиуса Фучика, с которым Александр Гаврилюк переписывалася.

О духовном облике писателя-патриота красноречиво говорит письмо, которое он послал своей сестре в Москву в ноябре 1939 года. Вот выдержка из этого письма:

«Надо, как писать тебе теперь: летопись ли цели, повесть ли; а письмо как-то не укладывается все это: даже маленькие, частные на фоне великих, величественных и великолепных исторических событий нельзя рассказать, не лежит как-то в письме. Ведь последние мои письма — или письма обо мне — были однажды хуже, несмотря на лейтмотив бодрости, каким я сам себя поддерживал. Панская петля затягивалася опасительно...»

Надо сказать, что письмо Береза и, наконец, «общение в политическом ушибе» — были последними известиями от меня тебе. После этого еще не конец: с началом войны меня снова взяли в Березу, и там уже совсем близко пришлося заглянуть смерти в глаза под штыками зверелых полицееких...

С 1929 по 1940 годы судебных процессов и торжественных заключений, 4 раза истязания в охранике, не считая Березы, с каждым годом все хуже: до конца доходило, до исчезновения... Гражданский Советского Союза — человек с существенными симптомами величими мечтаниями».

За каждой строкой этого письма мы чувствуем большую жизнь борца, человека, преданного революции. К сожалению, не все написанное Александром Гаврилюком сохранилось. Пропала рукопись его большого романа «Славка учится революции», не дошли до нас многие его стихи, «Где-то...». Каково построение «Товарищеской деревни»? К сожалению, предложенная в 1940 году «исчезла» рукопись фотографической поэмы «Шлях» («Путь»), посланная туда Гаврилюком накануне второй мировой войны.

Молодому поколению мало известна также «Позняк о петле», о которой с потрясающей силой нарисована трагическая судьба женщины в капиталистическом городе.

Предлагаем это произведение вниманию наших читателей.

Поэма о петле

Александр ГАВРИЛЮК

Э, паны, откорызаные твари, вы, культуры, достойствы! Вы ждете разъяснения? Вон газета прядется на будльоре.

Сам редактор, ваши вкусы изучая, словно кельнер, изыгражаете учтиво. Сто сенсаций дал он в номер,— что за чтиво! — лабы вы, читая выпуск, не скучали. Сто сенсаций, чтоб читателю потрафить, как на блоке разложили он, не иначе. Заголовки, как рекламы, так и скакут, бьют в глаза среди скандальных фотографий, прошу, пожар, случившийся в Майдане. Слыши и слуху это зрелище нарушает, в Дюссельдорфе кто-то вновь девочкам душит. И у нас дела не хуже, посмотрите! Что похлесте предложить бы вам вчаче? Вот вам: женщину трамваев задавили, а другая ночью мужа отравила... Коммунист за листочки расстреляли... Просим, просьб, наложите все, кто хочет! Завтра новые кошмары приготовим. Ах, как мило это нервы шумят, словно запах испаряющейся крови!»

Был холодный, был плюзовый, грязный вечер. Небо, конопы фабричного покрытия, мутный дождь целило, как сквозь сито. Город вымок, червой моросью иссечен. Дождь хлестал, густую копоть разрывая. Грязь небесную всплата мостовая.

На вокзал пришла и многоголосый. Было там тепло, просторно, сухо... Я пришла на промысел обычный, чтобы хлеб насущный заработать, тело поруганье предавая. На вокзале, в залах светых и высоких, на виду у всех голодная кружила, чтобы людям ясно

было, кто я. Потому-то все за мной следили, ухмыляясь сально, руки потирали, ушипнувшись в кукиши коровили. Это было так прыщево и вонючо.

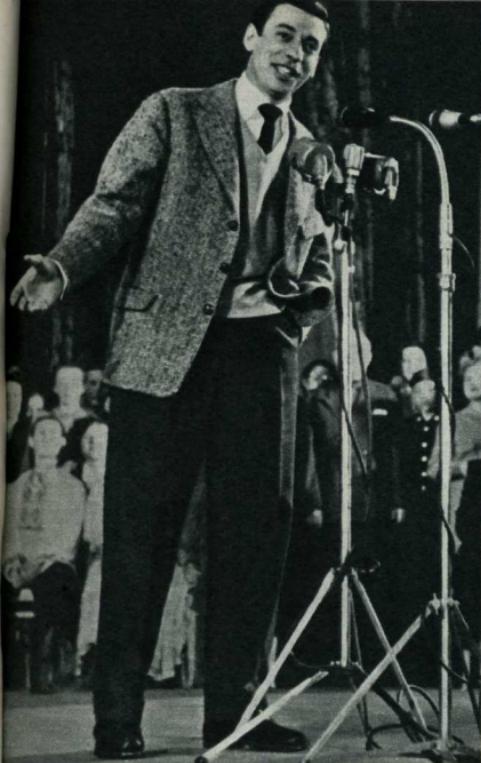
А потом скатила меня за плечи черный страж бесстыдной их морали и под смех господ, под горот их веселый стал меня выталкивать за двери, под пловговый дождь, что брызгает грязью. Это было так прыщично и обычно. Я увертывалася, выйти не хотела, брызги мутные за порог попадали. Полицай толкнул и отвернулся. Тут ему я кукиши показала. Это было так привычно и общо. Я стояла под дождем, вспаханном фонарем во мгле промзогой расплывались. Я ловила подхолдинную минуту, чтобы тихо проклынуть обратно в залы, в солнце тепло, в льдескую массу.

Тут же я приметила внесшие в зал самой двери оборванца. На меня испуганно смотрел он, помертвевший и окаменелый, словно что-то жуткое увидел. И уже я знала, чем чревато этот взгляд и эта тишина. А из глаз его струился ужас, в муху лягушка изубанилась, извиваясь, нефритово приближал зловещую развязку.

Но опять в мэн всплыл полчищный, взля

за плечи, чтобы выщипнуть на площадь. И сорвились дядо, что, сразу обворвало все прыщевые пути...

...Примраку ужасному подобный, вертик, будто уж, скользнув меж нами, тот, второй, как вихрь, на полянин налетел и в сторону отбросил, а потом уже в меня всплыл и в горячке потащил с собою и поставил перед яркою витриной... К свету повернуло мое лицо он и разглядывал так жадно, так ужасно...

Осматривая Дворец, французские гости зашли в библиотеку.

Бим Ваш песни. Нам известно, что прямде, чим стати замечательным пезоном, Вы бы были таким же рабочим, как мы.

От имени наших товарищей, от имени двадцати тысяч учащихся трудовых резервов Москвы, мы приглашаем Вас побывать в нашем Доме культуры. Этот Дом мы создали собственными руками и сейчас хотим проводить в нем досуг, заниматься спортом, общаться, изучать науки, готовиться к фестивалю. Нам будет особенно дорого принять Вас, как посланца французского народа, в нашем Доме, поговорить с Вами, спеть Вам советские молодежные песни...

Мы верим, что Вы захотите выбрать время для встречи, и ждем Вас. А пока я знаю будущей встречи, познакомлю Вам наши песни, которые Вы услышите, когда посетите нас...

Это письмо было написано по инициативе комсомольцев 10-го технического училища столицы вскоре после того, как стало известно о предстоящем приезде Монтана в Советский Союз.

...И вот Илья Монтан в Москве.

День певца приружился до предела: он выступил в зале имени Чайковского, во Дворце спорта, встречи с деятелями искусства, писателями, журналистами... Однако артист не забыл о приглашении молодых рабочих-москвичей и выбрал време посетить Дом культуры трудовых резервов. Он приехал сюда вместе со своей женой, известной киноактрисой Симоной Синьоре, и музыкантами оркестра.

Эта встреча певца была не совсем обычной. Как правило, Монтан и его друзья приходят быть на сцене: ведь люди собираются, чтобы послушать его. Но этот раз Монтан сам оказался среди зрителей, на сцену вышли хозяева Дома.

Гостей приветствовал певчий ансамбль мальчиков Центрального дома культуры трудовых резервов. Более того, «Фрунзенская» К. Листова, ноты которой работала посыпала с письмом в Париж. Пел ее одиннадцатилетний Слава Селезнев. А когда с эстрады зазвучали слова:

НЕОБЫЧНАЯ ВСТРЕЧА

Фото В. Тюнеля.

Илья Монтан долго аплодировал Славе Селезневу.

Когда поет далекий друг,
Теплый и радостный становится
вокруг.

И сокращаются большие
расстояния,
Когда поет далекий друг...—

их подхватят весь зал.
Илья Монтан вместе со всеми горячо аплодировал и юным певцам, и танцорам, и акробатам. А потом он поднялся на сцену и взволнованно сказал:

— Я, моя супруга и мои товарищи-музыканты тронуты великолепным, чудесным концертом. Он был искренний, радостный. Самое главное, что я увидел — это поклонники этого сердца души, без которых немыслимы никакие работы. Меня предупредили, что сегодня мне не придется петь, что я буду просто зрителем. Но я так взволнован, увиденным, что прошу разрешить мне ответить вам на песню тоже песней.

Илья Монтан спел несколько своих песен.

Затем радушные хозяева прописали гостям подарки, сделанные руками учащихся, и показали им свой Дом. Надолго запомнился молодым рабочим эта сердечная встреча.

Б. ЮРИН, В. КАНАЕВ

ТРЕТЬЯ ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА «СМЕНЫ»

С этого номера «Смены» начинает традиционную шахматную олимпиаду, которая проходит уже в третий раз. Олимпиада национального масштаба. VI Всесоюзному фестивалю молодежи и студентов в Москве. Так как это первые спортивные годы, олимпиада открывается конкурсом на лучшее решение шахматной задачи.

Номер с доской номера «Смены» мы будем регулярно рассказывать результаты олимпиадных по разделам. Итоги конкурса на лучшие подведения в одном из последних номеров 1957 года.

Задачи, с доской номера «Смены» мы будем обязательно давать обязательно в полной нотации, варианты применения различных сокращений, с красной строкой, а также варианты различных обозначений следуют давать обязательно в полной нотации, варианты применения различных сокращений, с красной строкой.

На конверте «Наши юные шахматисты» необходимо делать пометку «Наши юные шахматисты».

Юноша просит каждого участника указать свое имя, фамилию, имя и отчество, точный домашний адрес, а

также сообщить свой возраст, профессию, место работы или учебы, категорию по шахматам (если имеется).

Участвовать в олимпиаде или нет — это ее разделение или нет — это любитель шахматного искусства.

Редакция читает многочисленные письма членов читательской консультации на лучшее решение шахматной задачи.

Составленные работы рассматриваются юношами и девушками — до 20 баллов в каждом разделе. Таким образом, максимальный балл во всей олимпиаде — 120. Результаты каждого участника определяются по сумме баллов в каждом и по отдельным разделам.

Победителям будут вручены медали и дипломы. Дипломами также отмечаются достижения по отдельным разделам олимпиады.

В состав жюри 3-й олимпиады входят: Ю. А. Смирнов — среди юношей международный гроссмейстер Б. ГЛАССКИЙ, мастер спорта А. ЧИСТИЛЮБИН и мастер шахматной композиции В. ЗАГОРУЙЧУК.

КОНКУРС НА ЛУЧШЕЕ РЕШЕНИЕ ШАХМАТНЫХ ЗАДАЧ

Шахматисту, желающему совершенствовать свое «химическое зрение», очень полезны шахматные и шахматные задачи. Темой обычно выбираются элементы шахматной задачи: блокирование, перенесение, двойной удар, отвлечение непрятельской фигуры.

Задачи на шахматной доске отличны от партии не являются плодом борьбы двух противников, а представляют создаваемую позицию. Поэтому требование предъявляемое к задачам, совершенно другое.

То, кто только начинает решать шахматные задачи, должны запомнить следующее:

1) Условием задачи обычно является выполнение белыми матом в заданное число ходов, причем цель достигается даже при наилучшей защите черных.

2) Первый ход всегда пре-

доставляется белым; он должен быть «техническим», то есть сделанным для облегчения задачи и без опасения для черных (исключение допускается крайне редко, в случае если задача не имеет белых). Нельзя также вступительным ходом стечься с королем, который ушел под ладонь для отступления.

3) Задачи бездействующих фигур в задаче не являются нормой, если первая фигура играет определенную роль.

4) В решении каждой кон-

курсной задачи следует указать вступительный ход, все ходы, необходимые для решения, защищенные различными «матовыми» ходами, а также, в которой поставлена задача.

Срок отправления работ по первому разделу олимпиады — 15 марта (участники по почтовому штемпелю).

ЗАДАЧИ

Черные — Кр4, Лc1 Сb1, С2, Кб5, пп. 6b, g6, f6.

Белые начинают и дают

мат в два хода (1 балл).

№ 1

Черные — Кр4, Фb4, Лd5, Сf2, Кб5, пп. 6b, g6, f6, d7.

Черные — Кр4, Лd5, Кб5, пп. 6b, g6, f6, d7.

Белые начинают и дают

мат в три хода (1 балл).

№ 2

Белые — Кр4, Фb4, Лd5, Лb8, Сb5, Кб5, пп. 6b, g6.

Белые — Кр4, Фb7, Лg1, Сf2, пп. 6b, g6, e2, g3.

Белые начинают и дают

мат в два хода (1 балл).

№ 3

Белые — Кр4, Фb4, Лd5, Сf2, Кб5, пп. 6b, g6, f6, d7.

Черные — Кр4, Лd5, Кб5, пп. 6b, g6, f6, d7.

Белые начинают и дают

мат в три хода (1 балл).

№ 4

Белые — Кр4, Фb4, Лd5, Сf2, Кб5, пп. 6b, g6, f6, d7.

Черные — Кр4, Лd5, Кб5, пп. 6b, g6, f6, d7.

Белые начинают и дают

мат в три хода (1 балл).

№ 5

Оформление номера В. Урина.

Адрес редакции: Москва, 1-я улица Ямского поля, 26.

Изд. № 118.

Орден Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Главный редактор М. А. Величко.

Формирование номера В. Урина.

Белые — Кр4, Фb4, Лd5, Лb8, Сb5, Кб5, пп. 6b, g6.

Белые — Кр4, Фb7, Лg1, Сf2, пп. 6b, g6, e2, g3.

Белые начинают и дают

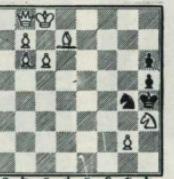
мат в три хода (1 балл).

Черные — Кр4, Лd5, Кб5, пп. 6b, g6, f6, d7.

Черные начинают и дают

мат в три хода (2 балла).

№ 6

Белые начинают и дают

мат в четыре хода (2 балла).

Лихуа

В Пензене есть рынок, построенный на каменных столбах в музее изобразительных искусств. Там можно встретить тончайшие изображения на каменных столбах, изображающие различные сцены из жизни древних людей. Среди множества разнообразных изображений можно увидеть неприметные на первых взглядах, миниатюрные сценки, состоящие из величины со спичечную коробку и даже меньше, помещенные на деревья и камни. Среди множества разнообразных изображений можно увидеть тех, кто вырезал из дерева и камня. Чтобы разрисовать крошечный сосуд изнутри, требуется сначала вынуть из него крохотную грунтовку. Своегообразная грунтовка внутренних стенок сосуда достигается длительной обработкой поверхности

него художником большими деньги.

Принес тот пурпур на якутскую природу недалеко от города Красноярска. Но с тех пор подобные пурпурные изделия используются в тарелках.

Чтобы разрисовать крошечный сосуд изнутри, требуется сначала вынуть из него крохотную грунтовку. Своегообразная грунтовка внутренних стенок сосуда достигается длительной обработкой поверхности

зеленоватыми описями. Затем художник через горячим наносит тонкий бамбуковый лак, который в дальнейшем обычно служит цветной краской.

Также в якутской тарелке изображены изумруды и золото. Их изображают на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми

изображениями. Их изображают на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями. Их изображают на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

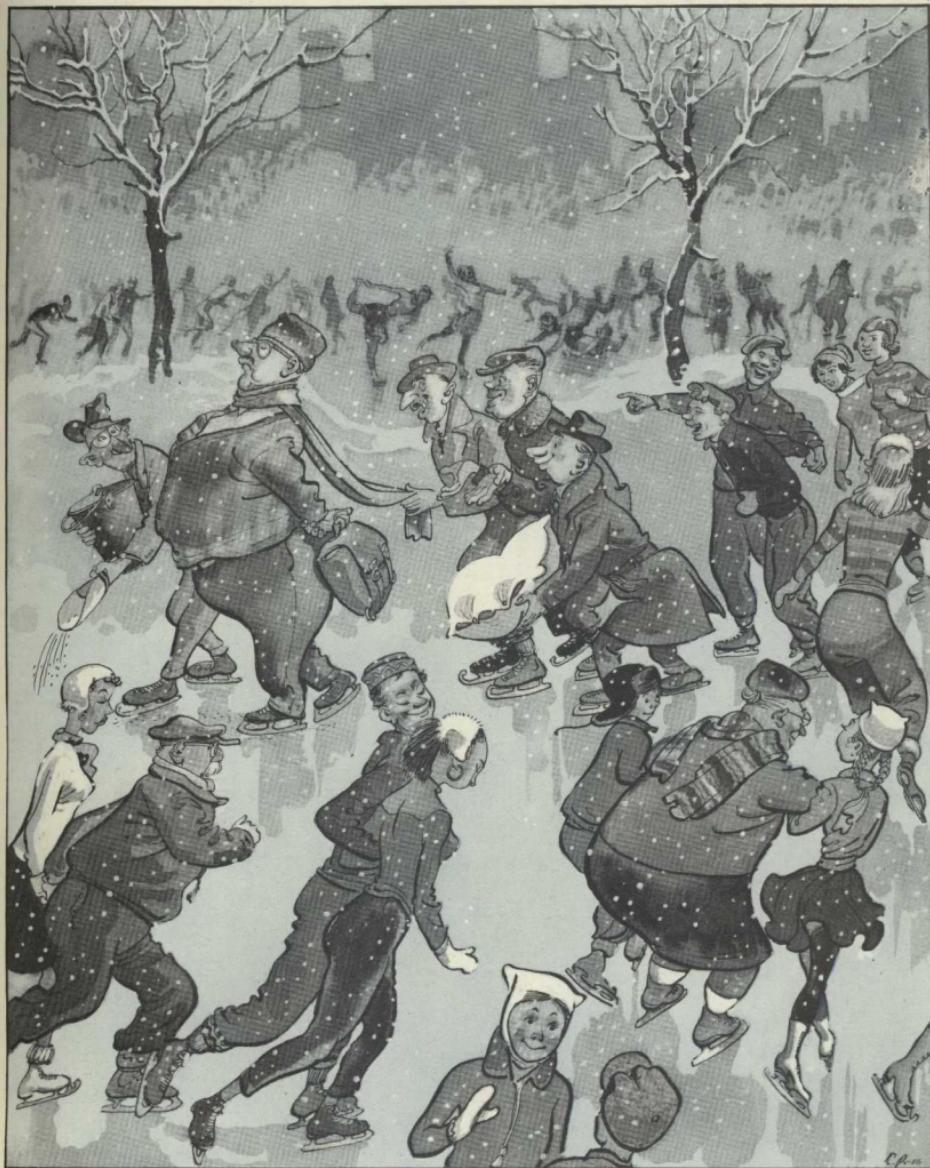
Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

Изображения на зеленоватой грунтовке, покрытой зелеными и золотыми изображениями.

НА КАТКЕ

Каждый в своей роли...

Рисунок К. Ротова.

Цена номера
2 руб.

